

Сергей Ужакин

Парни как все

Два рассказа о героях

Барнаул 2023

ББК
84(2 Рос-Рус)6-4
УЗЗ

12+

Ужакин С. Ф.

УЗЗ Парни как все – Барнаул: Алтайский дом печати, 2023, – 128 стр., цв. илл.

Два рассказа о парнях из российской глубинки. Они были как все. Сыны Алтая героически исполнили свой гражданский долг – по зову сердца встали на защиту нашей Родины.

В основу положены биографии реальных жителей Алтайского края.

Книга рекомендована для среднего и старшего школьного возраста.

ISBN 978-5-98550-693-8

© КАУ ДПО «АИРО
им. А. М. Топорова», 2023

Гуманитарный проект Министерства образования и науки Алтайского края и Алтайского института развития образования им. А. М. Топорова – «Учителя и наставники Сынов Алтая – Героев России».

Мой друг!

Ты спросил меня, кто может стать героем. Ответ прост – только человек!

Нет героев среди птиц и зверей, молчаливых рыб и легкокрылых бабочек. Лишь в человеке заложен закон добра и справедливости, лишь человек наделен свыше разумом и волей, способностью изменять мир. Только человек является опорой началу всех начал – женщине-матери. Только он в роковую минуту встает на защиту отчего дома и поля, что поднял на целине его дед.

Здесь и ответ на твой вопрос, друг мой. Человек становится героем не по рождению, а по поступкам, по делам своим. Придёт время, и каждый отведаёт плод с древа познания. Узнаешь и ты, что мир не прост, как бы тепло и беззаботно тебе сегодня ни было под материнской рукою. И в том яростном и бушующем мире придется делать выбор, совершить свое восхождение в вечном споре добра и зла. Рано или поздно и ты спросишь себя: Я кто? Для чего я пришел в этот лучший из миров? И никто за тебя на вопрос не ответит, выбор не сделает, никто не подскажет, сделать так или иначе, как совершить главный поступок, да и быть ли героем. Никто, кроме тебя самого...

Нам повезло, мы живем в стране, которая по праву гордится своими настоящими героями, совершившими трудовые и ратные подвиги. Эти чувства сердечной благодарности ветеранам войны, любовь и преданность Родине скрепляют нас в единый народ. Этим мы сильны! Это так важно

знать в наше непростое время, когда вновь звучат строки Александра Твардовского: «Бой идет святой и правый. Смертный бой не ради славы, ради жизни на земле...». И сегодня особые слова признательности мы адресуем участникам Специальной Военной Операции, кто поднялся на защиту Родины, своего дома, семьи. Все они, поистине, герои, для которых любовь к ближнему, верность присяге, готовность положить душу свою за друзей своих стали тем краеугольным камнем, о который разбились зависть, ненависть и злоба нацистов.

В нашей книге «Парни как все» мы не подскажем тебе, как стать героем. Все, кто работал над ней, твои старшие наставники, такой задачи перед собой не ставили. В ней рассказано только о двух парнях, совсем молодых, почти твоих ровесниках, выросших на нашей благодатной алтайской земле. Мы лишь расскажем тебе о них, как они росли, учились, дружили, может, даже жили на соседней улице. Они не думали, что совершают подвиг, они по велению сердца шли к своему выбору и шагнули со школьной скамьи в Бессмертие.

А ты живи, мой юный друг! Живи и помни.

Министр образования
и науки Алтайского края
С. П. Говорухина

Парень с улицы Мира

Посвящается памяти танкиста
Андрея Кеслера

Бой за проселочную переправу, что майским утром прогремел над Северским Донцом, к полудню окончательно стих. За дальней лесополосой оборвались автоматные очереди, на проселках смолк рокот моторов, и откатное эхо танковых дуэлей сменилось размеренным голосом лесной кукушки.

Вскоре послышался новый звук – назойливый стрёкот летательного аппарата. Беспилотный разведчик «Golden Eagle», более похожий на черного паука – с крестовиной раскинутых штанг и хищным глазом камеры наблюдения, зашёл к реке на большой высоте. Вражеский оператор спешил взять в объектив панораму ушедшего боя. Задача для наблюдателя простая, на военной базе от него ждут отчет, что сегодня должен улететь к хозяину, в бетонный бункер Пентагона.

Левый берег оператору показался скучным, стоит ли тратить драгоценное время на сельский пейзаж – ни людей, ни боевой техники. Тихо и пустынно на левом берегу, лишь тускло отсвечивает рваным бортом опрокинутый катерок, да глинистый выход к воде расчерчен траками тяжелой техники. Зато правый, от кромки реки до лесопосадок, основательно изрыт и перепахан огненным шквалом. Даже прибрежная зелень, насколько видит глаз, безжалостно посечена стальными осколками.

Натовский хищник взял среднюю высоту и принялся за изучение остатков плавучего моста. Правобережный понтон, что прибил к берегу, был цел, его растяжка зацепилась за куст, и стальной настил покорно покачивался на привязи.

Левый получил смертельную пробоину в узловую сцепку и грузно осел на середине реки. Рваным краем он лег на дно, отчего береговой настил, по которому техника заходит на мост, вздыбился, и весеннее половодье лениво нагоняло под днище прибрежный мусор.

Закончив изучение переправы, вражеский оператор основательно завис над правым берегом. Две боевые машины пехоты зияли пустотой развороченных отсеков. Третья, с черными пятнами окалины, уже догорала, покрывая берег едким шлейфом горячей солянки.

Отличная работа, ребята, прекрасный материал для аналитиков центра, усмехнулся оператор вражеского беспилотника, не война, просто день благодарения. Самое время заняться поджаренной индейкой – уничтоженным танком, главной потерей русских!

Оператор в натовской форме приблизился к экрану. Стоп, здесь что-то не так! Одиноким Т-72* на полкорпуса погружен в воду и с высоты не кажется поврежденным, можно сказать, готовым к бою. Оператор нервно пробежал по пультау управления, и «черный паук», недовольно заурчав, спустился до предельно малой высоты.

Стоящий за спиной офицер, что наблюдал за картинкой на мониторе, со злостью выругался:

---

* Т-72 – знаменитый советский и российский танк последней четверти XX века. Создан на базе танка Т-64А. Разработан на «Уралвагонзаводе» (г. Нижний Тагил Свердловской области) в качестве «мобилизационного варианта» на военный период. Обладает низким силуэтом, сравнительно небольшой массой, мощным вооружением и высокой надежностью, что сразу и на долгие годы поставило его в ряд с лучшими танками мира.

– Черт их возьми, этих русских! Мало того, что во время боя они вывели из строя лучшую натовскую технику, так на броне российского танка нет ни следов прямого попадания, ни полос обжигающих рикошетов. Даже «чешуя» динамической защиты целая. Трудно понять, с чем мы имеем дело – невероятным упущением систем наведения или слабостью новейшей артиллерии? Разверните камеру, капрал. Так и есть, боевая единица выбыла из строя без нашей работы. Русские сами уничтожили свою машину, никаких «хайли лайкли»*. Настоящие варвары... Возвращайтесь в поле, капрал, оцените наши потери.

«Паук» уже приготовился уходить на равнину, как ветер качнул язык едкого дыма и открыл фигуру молодого танкиста. Воин лежал неподвижно на краю разбитой канавы. Шлемофон с тремя защитными валиками валялся рядом, а промасленные, с трещинами пальцы по-библейски касались боевой экипировки.

Беспомощного парня иностранный наблюдатель вполне мог принять за последнюю жатву скоротечного боя. Его «черный паук» заурчал, принялся вращать стеклянным глазом то вправо, то влево, как бы решая, в каком месте совершить свой смертельный укус. Оператору достаточно передать координаты для минометного расчета. Три минуты на подготовку, и смертоносное железо протяжно пропоет прощальную колыбельную, сметет раненого противника. И тогда бой окончательно

---

* **Хайли лайкли** – (Highly likely) – вполне вероятно. Выражение неуверенности в событии.

завершится, унесёт в небытие жизнь неизвестного русского.

И все же наводчик на далекой натовской базе не пожелал тратить драгоценный боеприпас на сомнительную цель. Да и зачем, порядок есть порядок – «новый мировой порядок», одним словом. Совсем скоро на берег выйдет группа наемников, отборные ребята – «джентльмены удачи», они и прихватят ценную добычу.

Беспилотный разведчик взял высоту и ушел за обожженную лесопосадку. Вражеский оператор не ошибся. Боец не спал и не был убит, он был ранен. На влажном песке лежал старший механик танкового батальона сибирской бригады с добродушным позывным – Парень.

***

Операцию по выходу на правый берег Северского Донца Алейская бригада готовила тщательно и учла опыт ранней весны. Правобережный плацдарм позволит охватить Лисичанку, а там через Славянку, Лозовую и стратегический выход к Днепру – природному рубежу нашей безопасности.

Задача перед бригадой вполне понятная – определить точку переправы, штурмовой группе закрепиться на плацдарме, и тогда через узкую горловину основные силы выйдут на правый берег. Однако иллюзий не было, и быть не могло, переправа не станет легкой прогулкой. Еще при выходе на рубеж бойцы понимали, что противник готовится к встрече и на фланг стягивает серьезные силы. Все чаще бригадные связисты перехватывали

трескотню боевиков, лающие приказы иностранных инструкторов и болтовню наемников – на английском, польском, немецком и даже шведском языках. Все чаще поступали сводки об интенсификации натовского наблюдения, а разведка нет-нет да приносила образцы новейшего вооружения.

А здесь поспела свежая вводная, в начале мая паводковая обстановка резко поменялась. Что ни говори, Северский Донец в среднем своем течении река простая, в июльскую жару брод бывает и по колено. Однако на Первомай вода поднялась, забурлила и понесла равнинные черноземы. Да так, что взятие преграды без инженерно-саперного подразделения оказалось невозможным. И реку решили переходить.

Нашли едва приметный крестьянский брод километрах в тридцати от села. В течение трех дней подтянули тылы и технику, окончательно сформировали ударную группу. И под рукой боевого полковника, что прошел многие пыльные дороги Востока, принялись за подготовку. Штабные офицеры отработали самые невероятные расклады, вплоть до применения противником химического оружия. А за сутки до Дня Победы, когда Москва приготовилась к параду, наконец, получили приказ на выдвижение. И подчиняясь неумолимой логике войны, все расчеты ударной группы тотчас пришли в движение. Понеслись команды на построение, добирали боевой комплект, и механики в промасленных спецовках на десятый раз проверяли свои машины.

Ночной марш-бросок для сибиряков дело привычное, не единожды отработанный – впереди разведка и первый эшелон, чуток в отдалении тяжелая техника, при ней обветренные бойцы на бортах легкокрылых боевых машин пехоты – БМП. Артиллерия, тылы и военная медицина, как положено, замыкают колонну.

Вечерние сборы прошли без сучка и задоринки, при полном соблюдении маскировки. Вот разве на выходе любимец бригадной разведки – беспородный пес Филимон радостно бегал и ластился к бойцам. Добрая псина никак не могла взять в толк, куда на ночь глядя собирается его лучший друг – разведчик Скорый. И едва колонна ушла в темноту, дворняга поскулила над опустевшей дорогой, сложила лапы и притихла.

Полста километров проскочили ходко и в утренних сумерках, наконец, вышли к реке. Колонна встала – техника прижалась к обочине и заглушила моторы, а бойцы рассыпались в пойменных зарослях. От остывшей воды потянула холодком, и языки речного тумана поползли через луговину на поля.

– Природа за нас, – пошутил командир разведчиков с позывным Алей и увел своих к береговой линии. А колонна медленно растворилась в молочном киселе, будто ее и не было. Полковник с позывным Катунь, что вел управление операцией из штабного «Тигра», отдал первый приказ взводу инженерной поддержки. Получив вводную, понтонёры,* что плелись в хвосте, тут же ушли к броду.

Навести переправу на малой реке для бригадной инженерии дело нехитрое, можно сказать пустячное,

на полчаса работы. Сколько стальных магистралей поставлено на наших сибирских реках, уже и не вспомнить: при малой воде, на разливе и даже в ледовой обстановке. Тем более Северский Донец речушка равнинная – под Белогоровкой летом полста метров, в половодье – от силы сотка.

Из командирского УАЗа, что первым уткнулся в обрыв, выпрыгнул крепкий капитан в потёртом камуфляже. Он постоял у машины, прислушался к тишине и решительно скрылся в тумане. Пока старший группы пробирался по глинистому берегу, под брезентовым тентом армейской «шишиги»** шёл неспешный разговор. Рослый сержант с розовым шрамом на левой щеке жизнерадостно наставлял притихших товарищей:

– Чуете, бойцы, водой потянуло, самое время для нашей работы. Мал-мала разомнетесь, а то скисли от безделья. Я этот запах ни с чем не спутаю, с детства помню. У нас, чтобы вы знали, водохранилище за околлицей – будь здоров, настоящее море-океан. Вода чистая, песком промытая, коренной берег до самой Гилёвки. Потому и рыбы немерено, вагон и маленькая тележка.

При необычном измерении рыбных запасов бойцы зашевелились, послышался легкий смех.

– Товарищ сержант, а птица на воде имеется?

---

* **Понтонёры** – специалисты по устройству плавучих мостов для переброски техники и живой силы. Мост состоит из отдельных плавучих секций – понтонов, которые скрепляются между собой узловыми соединениями и оборудованы береговыми настилами – пандусами.

** **Шишига** – «шишок», или «шестьдесят шестой», ироничное армейское прозвище легендарного грузовика повышенной проходимости ГАЗ–66.

– Еще как имеется, ученые под заказник, почитай, весь правый берег отвоевали, до самой Корболихи. Знаешь, какая битва была, что тебе при Фермопилах*, – вновь раздался добродушный смех, – зато теперь такая редкая дичь на нашем водоеме обитает. Научно доказанный факт! Э, дружище, видел бы ты, как серый журавль над водой идет. А рыбалка – просто ангел с зонтиком.

Ребята облегченно задвигались, а рослый сержант продолжил:

– Выполним боевую задачу, я вас на рыбалку походным маршем и доставлю – в колонну по два становись! Тем более от Алейска до нас совсем недалёко, два лаптя по карте. Насшибаем щурогайки, ушицы сварганим. Вспомним, как мост на правый берег от скуки наводили. Это у нас в Сибири правый берег стал бы левым, потому как реки текут в разные стороны. Научно доказанный факт. Главное, отработать по нормативу, не подвести танкистов.

– Не волнуйтесь, товарищ сержант. Поставим в лучшем виде. Делов-то, две секции! Не океанский лайнер.

– Правильно мыслишь, Прибой, задача не самая сложная. Кстати, а почему такой позывной, ты же моря никогда не видал?

– Не видал, только мечтаю отбыть на Дальний Восток. В училище наставник рассказал, как в нашем городе колесный пароход ходил – от Камня до самого Бийска. Очень красивый.

---

* Битва при Фермопилах – сержант шутит, сравнивая настойчивость ученых Алтая с великим сражением античной истории. Которое состоялось в ходе греко-персидской войны.

– Грамотно изложил твой наставник. Вот и у нас в селе жил дядя Митяй, столяр от бога. Однажды головоломку сделал, всей улицей гадали, как она разбирается, крутят, вертят, а раскидать никто не может, целый консилиум собрали. Вернемся до дома, я вам про него расскажу, – улыбнулся сержант, но, услышав, как хлопнула дверь командирской машины, сурово добавил: – Однако, бойцы, приготовиться к работе. Снарягу поправить, ремни подтянуть! И без нервов, на левом берегу обстановка спокойная. Ни грая прибрежных обитателей, ни лишних звуков. Слышь, как ухнула ночная птица! Отметилась и затихла.

Пока бойцы слушали наставления сержанта, офицер уже нырнул в командирскую машину. У воды он находился совсем недолго, осмотрелся, отмерил шагами место переправы. Затем зачерпнул живительной влаги, потер пальцами, будто пробуя на ощупь – не подведи, родная!

В штабной «Тигр» полетело первое донесение от инженеров: «Берег в норме, вязкий суглинок, фарватер чистый, можем начинать».

Едва ушел долгожданный рапорт, из прибрежного кустарника выросли три фигуры в пятнистых камуфляжах. Вел группу совсем юный лейтенант в старомодной военной панаме – афганке. Друзьям он говорил, что панамка его талисман, подарок танкиста-наставника, что брал ущелье под Кандагаром. Лейтенант был ловок, перетянут

потертой портупеей, с небрежно повязанной неуставной банданой*.

За спиной лейтенанта двое крепких бойцов след в след волокли резиновую лодку с боевой снарягой и «цинком».** Первым в лодку запрыгнул поджарый боец с необычным автоматом, он по-кошачьи вжался в борт и взял наизготовку оружие. Командир присел по-восточному, поджав ноги и пригнувшись, оперся на автомат.

– Скорый, трогай.

Лучший друг дворняги Фили тотчас снял лодку с отдели, и проворный «Нырок», поднятый силой электрического мотора, по косо́й линии ушел в вязкое молоко майского утра.

Прошло не менее получаса, и в штабной машине наконец раздался щелчок:

– Катунь, я – Алей, мы на точке.

– Доложить обстановку.

– В поле тихо, движения не наблюдаем. Огневая поддержка на удалении, как предупреждала авиация.

– Продолжать наблюдение. О любых изменениях оперативной обстановки докладывать незамедлительно.

---

* **Бандана** – неуставной элемент армейской экипировки. Повязка из плотной ткани имеет самое широкое назначение. В походе носится как шейный платок, может использоваться в качестве фильтра для воды, повязки от пыли, как сигнальный и опознавательный знак, а также перевязочный жгут. Особую ценность бандана приобретает как подарок подруги.

** **Цинк** – на языке военных так называется герметично закрытая в заводских условиях металлическая коробка, в которой хранятся патроны к стрелковому оружию. Изначально изготовлялась из цинка, позднее из оцинкованной стали.

Едва завершился доклад разведки, как полетела команда инженерной группе:

- Переправа, как меня слышите?
- Шмидт на связи, у нас полная готовность.
- Действуй, Шмидт!

Новая война внесла свои коррективы. Война цифровых технологий ввела особую субординацию – присвоив каждому воину позывной. Так в бою проще и надёжнее общаться. Пришло время особого воинского братства, единого целого, семьи. Теперь каждому присвоено имя собственное для боевых товарищей и неведомое для врага.

Трудно сказать, кто и зачем дал капитану позывной – Шмидт, возможно, в память о знаменитом и непокорном морском лейтенанте.

Строгий и подтянутый Шмидт тотчас привел команду в движение. Машины выползли на берег, по вязкой глине описали дугу и встали задними бортами к реке. Пока водители выполняли основной маневр, понтоны сбросили на воду легкий катерок. Машины зашли в воду, по команде убрали крепления, и стальные поплавки, повизгивая, прыгнули на течение. Здесь понтоны накрепко сцепили, катерок тут же подхватил магистраль и поставил поперек реки.

– Тридцать пятый скорый «Барнаул – Москва» прибыл по расписанию, – сержант из Староалейки по-братски приобнял рядового с позывным Прибой.

Пока инженерная группа была занята важным делом, колонна, что растянулась вдоль полевого проселка, сохраняла молчание и терпеливо ожидала своего выхода. Туман окончательно ушел,

обнажились прибрежные заросли, воздух становился чист и прозрачен. Но едва стальная магистраль встала на воду, первый эшелон пришел в движение. Три тяжелых танка подошли к речному увалу, за ними подтянулся взвод моторизованной пехоты. Главные силы, как того требует боевой устав, сохраняли дистанцию на оперативной глубине.

Обстановка совсем непростая, а потому головной Т-72 вел не абы кто, а Кедр – командир танкового батальона. За ним в линейку встали машины первого взвода, экипажи двух боевых товарищей с позывными – Клен и Оляха.

Танкисты народ особый, и правила у них свои, особые. При походном марше машина комбата глотает дорожную пыль, плетется в хвосте колонны, оно и понятно, из конца колонны легче управлять движением. Да и в бою командирский борт должен идти сзади, руководить своими коробочками. Таков суровый закон, написанный многими поколениями. Только здесь случай особый, берег требуется решительно и без промедления взять, а потому первым встал борт под номером «400».

Едва танкисты доложили о выходе на рубеж, как о себе напомнила и разведка.

– Я – Алей. Наблюдаю движение, заходит пехота, численностью от двух взводов. На линии огня будут минут через тридцать – сорок. С пехотой разворачивается бронетехника, до десяти единиц – пара «хаммеров», один «сто тридцатый» и смешной аппарат от фирмы игрушек «Лего» – похож на колесный танк. В количестве до трех штук заходят

родные восьмидесятые* без динамической защиты. Что-то мне подсказывает, командир, технику подогнали соседи. Бережливый народ поляки, матка боска, распечатали запасы Варшавского договора. Да, чуть не забыл! На колесном танке замечен странный прибор. Думаю, батальонным технарям в самый раз ознакомиться. Конец связи.

Далекое сообщение Алея напрочь откинуло тревоги и заставило передовой отряд собраться перед предстоящим боевым столкновением.

– Спешат, значит, ну это мы сейчас и проверим, как они спешат. Первый эшелон, я – Катунь. Кедр, Онгудай, как меня слышите?

– Я – Кедр. Слышу хорошо. Коробочки к работе готовы.

– Онгудай на связи, пехота, как всегда, отдыхает, – эхом отозвался командир стрелков.

– На связи Шмидт. Информация для Онгудая. Левый берег мылкий в оба края, твои БМП на обратном ходу подъем не возьмут. Если будешь отходить на удалении от переправы, коробочки будем буксировать. Для личного состава запрашивай средства доставки, поможем.

– Не паникуй, Шмидт, все будет в норме, отходить не придется.

Прошло несколько мучительных минут, но приказ так и не поступал. Прибрежная линия

---

* **Восьмидесятый** – речь идет о российском танке Т-80. Танк с газотурбинной установкой. Первый в мире танк со встроенной противоснарядной динамической защитой. Принятый на вооружение в 1976 году армией СССР, затем России. Выпускался на «Кировском заводе» в Ленинграде, на заводе «Омсктрансмаш» и на Харьковском тракторном. Поставлялся в различные страны мира.

быстро наполнялась жизнью: низко заиграла стайка черных стрижей, из-под нависающего над водой куста вылезла речная ондатра. Мокрая бестия с удивлением посмотрела на стальную линейку и скрылась в мутной воде.

Медленно плетутся кружева войны. Правильно говорил комбат своему экипажу – побеждает не тот, кто лучше стреляет и машину водит, побеждает тот, у кого нервы крепче, кто умеет ждать и лучше врага думает.

Тишина становилась тягостной, но эфир молчал. Неужели случится так, что вместо прыжка на правый берег понтонеры разберут свою конструкцию? Погрузят ребята громоздкое железо, и боевая группа, готовая к решительной атаке, откатится на исходный рубеж.

Тишина звенела и казалась нескончаемой. С нашей стороны зашли два вертолета, что ласково называют «вертушками», и колонна приободрилась: сейчас начнется! Но стальные птицы, отстрелили тепловые ловушки, сделали крутой разворот и ушли к аэродромам.

Как вдруг, без девятнадцати минут девять, прозвучал общий сигнал! Эфир взорвался чеканными приказами, зашумел навалом отрывистых переговоров и распоряжений. Моторы взревели, и первый эшелон приготовился к решительному рывку.

Перед началом движения комбат проверил связь с экипажами.

- Клен, Ольха, как обстановка в коробочках?
- Как в часиках, Кедр, будь спокоен.

– Слушаем сюда, отцы-командиры. После ухода пехоты смещаюсь на правый фланг, оцениваю ситуацию. Ты, Клен ясеневидный, занимаешь место на левом. Ольха, прикрываешь, действуй по обстановке.

– Приказ ясен и понятен, командир.

Уже в шаге от стального пандуса комбат коротко доложил Главному:

– Группа Кедр к переправе готова, – и в ожидании приказа штабного «Тигра» взбудрил своих: – Ну, что, бойцы, как настроение?

– Пять баллов, товарищ командир!

– Как уйдет пехота, выходи на берег, Парень, и сваливай вправо, ищи укрытие, борт не подставляй. А пока ждем, сынки, царицу полей.

И будто подслушав разговоры танкистов, с обрыва выскочили три боевые машины пехоты. У воды техника совершила немислимый разворот, заскочила на настил и цепочкой ушла на правый берег.

– Кедр, выходи на прогулку. Гости запаздывают, утреннего кофею испить желают.

– Теперь наша работа, действуй, Парень.

Командирский танк, ведомый старшим батальонным механиком, ровно встал у настила, ревя и фыркающая сизым дымом, вылез наверх, просто тютелька в тютельку! Грузно качнулась подвижная платформа, и тяжелая махина Т-72 приготовилась к рывку.

– С таким выходом из-под печки в самый раз на Красную площадь. Но это, Парень, чуть позже! С парадом успеется.

И в эту минуту случилось то, чего слаженный и слитый воедино боевой костяк гвардейской Волгоградско-Киевской бригады так долго ожидал. Над прибрежными зарослями послышался зловещий свист летящего снаряда, и по головному танку, едва вставшему на переправу, пришелся первый удар. Снаряд лег по правому борту, окатив зеленую башню мутной водой весеннего половодья, качнул понтон, и большие круги разошлись по поверхности реки. Следом подоспела новая пара, образуя вокруг машины зловещий треугольник. На этом пристрелка закончилась. Протяжный вой, не успев начаться, тут же стих.

– На связи Клен, переправа обнаружена! Командир, снаряды уложили, как в аптеке. Сей момент подправят визирь, и жди гостинец по центрам. Срочно выходи на берег, мы за тобой авось проскочим, – разорвал тишину эфира командир второго экипажа.

– Вижу, дружище, – спокойно ответил Кедр, однако хладнокровно придержал машину и оказался прав. Четвертый снаряд пришел с упреждением, явно с расчетом взять боевую единицу посредине реки. Стальная болванка прошила звенящий настил и вздыбила воду под днищем. Мощная волна приподняла переправу, разорвала крепеж. Стальные понтоны, влекомые течением, с противным скрежетом начали расходиться. Машина танка опасно закачалась, рискуя в любую секунду уйти на дно.

– Обратного хода нет! Успеешь, Парень?

– Успею, батя, – механик рванул рычаги.

Цепляясь за рифленый настил, танк не откатился к спасительному левому берегу, да и никакого спасения задним ходом быть не могло. Он ровно, как по асфальту, пошел вперед. У опасного разрыва механик развернул машину и юзом завёл на правый понтон. Шелковые струны береговых растяжек тревожно зазвенели, узловая пара натянулась и оборвалась с пронзительным свистом. Одинокий понтон почти потерял опору с берегом. Под тяжестью сорока тонн переправа начала крениться, тягуче приподнимая береговой выход, как будто желая освободиться от лишней поклажи.

– Лови крен, Парень, – взбодрил Кедр своего механика.

Но Парень и сам уже принял решение, плавно двинул боевую машину к противоположному краю и умелым маневром отвоевал десяток метров. На середине, едва удерживая поплавок понтона в равновесии, резко развернул машину, и она совершила невероятный прыжок. Раздался громкий шлепок, и сорок тонн боевой брони обнажили липкое дно. Грязная волна большим кольцом пошла по реке, а танк рыл и швырял придонный ил, вырываясь из водного плена. Казалось, что совсем скоро река накроет стальной кокон, но траки зацепили твердый грунт, машина дернулась и, разгоняя волну, выскочила на берег.

– Кедр, я Катунь. Как ты, живой?

– А что со мной сделается! Наш Парень прошел по настилу, как по Невскому проспекту. С такими орлами на биатлон заявку оформлять.

– Вас понял, Кедр! Занимай позицию, прикрой Онгудая. Держитесь, ребята! Сейчас разберемся, кто кому родня и откуда переправу поливает артиллерия. Алей, разведка! Где твои глаза и уши! По переправе бьют прицельно, с какого перепугу работает арта*, почему они нас видят?

– Говорит Алей, на второй линии арты нет, должно по делу. Пристрелка ведется издалека, к гадалке не ходи. А вот опытный наводчик работает у нас под носом. Думаю, сидит задунайский казак на верхней излуине и просматривает брод в лучшем виде. О нашем выходе они знают, от фонаря артиллерия работать не будет.

– Знают, говоришь, – усмехнулся командир операции. – Вот что я тебе скажу, Алей, чудеса на небесах, здесь рай земной. Будь аккуратен, сынок! Касмала, как меня слышишь? Готовь свою группу, прощупай берег выше по течению. Иначе без потерь не обойтись. Онгудай, как закрепился?

– Говорит Онгудай, дополнительного скопления пехоты не наблюдаю. Начинаем работу, жду шишек с кедра.

– Будут тебе и шишки, дружище, будет и свисток.

– Я – Обь! – неожиданно раздалось в эфире. – Катунь, отставить выход Касмалы.

Рации мгновенно замолчали, и пока где-то совсем далеко шел тяжелый радиообмен командира бригады с Катунью, боевые машины пехоты уверенно заняли

---

* Арта — армейский лексикон. Так бойцы называют все виды ствольной артиллерии. Танкисты называют свои машины — коробочками, летчики самолеты и вертолеты — бортами.

оборону, так что Кедр по достоинству оценил работу боевых товарищей.

– Грамотно закрепились царица полей. Хочешь быть передовым, сей квадратно = гнездовым. Сработал ты, Онгудай, как часики, теперь поджидай противника.

– Про часики это ты точно угадал, командир! В самое яблочко. Оляха, Клен, как меня слышите? Вот что значит интуиция у вашего комбата, учитесь, ребята. Я ведь до войны на своем химкомбинате часовым делом баловался, весь город знал про мои увлечения. А какой инструмент имеется, закачаешься! Дай мне хоть «Полет», хоть «Восток»! Даже карманный «Буре» на серебряной цепочке в руках держал.

– Импортные тоже лужу-паяю?

– «Комбат, японскую «Сейку» выкладывай, кухонным ножом раскидаю, – с азартом пояснял Онгудай, – и кукушку встрою. Попали мне по случаю настенные часы, аппарат сказочной красоты, я над ним месяц колдовал...

– Вижу, ты мастер, дружище! Настоящий Левша.* Настенных у меня в башне нет и быть не может, пришлось бы моего стрелка-наводчика на броню посадить, – пошутил комбат. – А вот будильник «Севан», боевой аппарат, имеется. Беру на слове, старлей, я тебе на ремонт подкину. Кстати, откуда такой позывной, вроде живешь на другом краю Алтая?

---

* Левша — герой повести Н. С. Лескова «Левша». Про то, как тульские умельцы превзошли английских мастеров, подковали блоху с заводным механизмом, да свои имена на подковках выбили. Самая мелкая работа досталась мастеру Левше, он для подковки изготовил серебряные гвоздики.

– Работали в стройотряде на Семинском перевале. Места красивые...

Боевые товарищи не успели завершить обсуждение мелкого ремонта в домашних условиях, как в разговор двух командиров вклинился голос с английским акцентом.

– Хай, рашн. Будь есть готов к горячий встреча на небесах! – И второй голос злорадно добавил: – Москаляку на гияляку.

– Оба-на, приветы с того света. Слыхали, ребята, у нас дорогие иностранные гости. Только зря ты, янки, в наш разговор влез. Сидел бы ты на ранчо, бычкам хвосты за забор заводил, целее был бы. Или тебе наши черноземы потребовались?

– Что такое есть хвосты заводить?

– Сейчас узнаешь! Ладно, коль ковбой прибыл, подходи, встретим! Мало не покажется! – ухмыльнулся майор с позывным Кедр.

Переправа была уничтожена. Сомнений не оставалось, что группу поджидали, за ее выходом наблюдали и умело заманивали в приготовленную ловушку. Противник выходить на левый берег совсем не собирался, да и зачем ему левый берег? Сил для встречи с опытной Алейской бригадой у него недостаточно, а потому задача предельно проста – сковать передвижение на водной преграде. Первый эшелон, что выскочил на правый берег, перещелкать по-лёгкому, а если получится, взять теплым. Конечно, основные силы враг будет утюжить и непременно со всех стволов, но уже не прицельно.

– Я – Катунь. Расклад такой, ребята, Москва сообщает – американцы нас ждали. Подключили к нашей встрече космическую навигацию и связь. Обстрелом дирижирует беспилотная авиация, и то и другое для нас пока дело новое. Выдвижения Касмалы не требуется, это, как говорится – пустые хлопоты. По переправе работает дивизион в «три семерки»*, бьют с тридцати километров, мы своей артой накрыть не сможем, наша «Мста» на такой дистанции пока не работает, будем отходить. Но это не главное, противник впервые использует управляемые снаряды, постарались партнеры, будьте готовы, ребята!

– Всегда готовы, – уверенно подтвердил Кедр.

– А теперь хорошие новости – на земле горячо, но чуток попроще. Основные силы на удалении, на зачистку к переправе брошены до десяти единиц бронетехники и до роты живой силы противника. Если с беспилотниками разберетесь, то приказываю противника нежно отжать и выходить на нашу сторону, мы поддержим. При необходимости запрашивайте помощь.

– Катунь, у нас обстановка в норме. Будьте уверочки, отработаем нежно и по полной программе. Да и спешить нет необходимости – вышли, так вышли. С пехотой Онгудай разберется, не впервой, помощь минометчиков и авиации не потребуется, иначе они и вас накроют. Вот разве понтонеры пускай пехоту встречают. Если на линии

---

* Три семерки — М777, буксируемая гаубица калибра 155 мм. Используется сухопутными войсками США, Австралии, Канады, Индии, Саудовской Аравии и Украины. Первое боевое применение состоялось в войне в Афганистане. Дальность стрельбы 25–40 км.

соприкосновения всего десятков единиц, то в самый раз для учебно-тренировочных стрельб. Катунь, ты же приветлики с того света слышал. Они нас весьма уверенно прослушивают, сколько говорили про закрытые каналы связи. Так что мы еще потанцуем. Отходите спокойно, берегите ребят.

– Я – Онгудай, наблюдаю противника, численностью до взвода, заходят с фланга. Работаем!

– На связи Алей. Кедр, при отходе меня не ждите. Веселое утро на хуторе близ Диканьки в самом начале. Забегу в гости, спрошу про черевички и прибор, что на колесном танке.

– Я – Катунь, вас понял, особо не резвитесь, выходить по обстановке. Алей, не забудь, Филя хозяина поджидает! Гарнизонное радио сообщает – ваша псина ждет, хвостом машет. Скорый сахарную косточку обещал? Будь любезен доставить.

В эфире раздался добродушный смех.

– Добро, командир, коль обещал, доставит. До встречи, славяне.

И пока группа правобережья жизнерадостно обсуждала меню любимой дворняги разведчиков, будто сейчас они не на краю смертельной опасности, а на самых что ни на есть учебных сборах, колонна на левом берегу ревела моторами, скрежетала гусеницами и медленно, но хладнокровно отходила на безопасное расстояние.

На правом берегу события только начинались. К схватке готовился взвод мотопехоты, группа разведчиков ушла в оперативный тыл, да боевой

Т-72 встал наизготовку в густых зарослях прибрежного ивняка.

Командир батальона с позывным Кедр был опытным офицером и мудрым наставником. В этом ратнике с сединой на висках слились воедино и боевой опыт в горячих точках, и природный характер русского человека, способного в любых, самых невероятных условиях сохранять выдержку и хладнокровие. Да и свой экипаж боевой офицер набирал не с бухты-барахты, а с умом, жизненной чуйкой, распознавая во вчерашних мальчишках важные задатки и таланты.

Своего наводчика, молчаливого бойца из Хакасии комбат заметил еще осенью. До призыва на срочную службу рядовой Аджай был промысловиком-охотником, из того разряда, что белку в глаз бьет и любой корешок в тайге знает. С малолетства ходил молчаливый мальчуган со своим отцом на таежный промысел. Опытный у него отец Аржан, мудрый наставник для сельских мальчишек. Привил своему сыну любовь к лесному раздолью: к скальным прижамам и выжженным степным окраинам сурового енисейского края, к большой и великой России. Ты запомни, сын, малое без большого не бывает, – говаривал мудрый Аржан.

А здесь стальная машина! Никто и не верил, что из парня будет толк, ему бы в пехоту, да снайперку в руки. Так нет, коренастый молчун на раз-два освоил премудрости воинской профессии и на зачетных стрельбах, как говорится, всех удивил. За что и получил позывной Ульген – что значит громовержец.

Да и Андрей – голубоглазый, с грустной улыбкой парень, пришел в бригаду из степного села и за полгода поднялся до старшего механика батальона. Поднялся с рядовой должности мехвода разбитой машины, которую ему и дали-то для испытания бойца на прочность.

Прошлой весной, по возвращению молодняка из учебки, за троицей новичков закрепили технику. Не боевые и современные «восьмидесятые», а те самые, из дальнего угла парка, изрядно походившие по пыльным дорогам Азии. Достался Андрею танк, что ни словами сказать, ни пером описать. Давно пора списать его Т-62 и отправить на переплавку. Сержанты ещё посмеивались:

– Машина прошлый век, свое отходила. Если ты, боец, на этой «старушке» доползешь до полигона, считай, зачет у себя в кармане. А не сможешь, зови подмогу, выпишем летучку и отбуксируем!

Андрей не спорил и на подначки не отвечал, работал с техникой от зари до зари. А когда высокое начальство собралось принимать вступительный экзамен, проще говоря, понять, на что способна молодежь, то комбат сразу отметил сияющий чистотой танк, будто не полвека машине, а с конвейера Уралвагонзавода. И по окончании ходовых испытаний удивленно покачал головой:

– Ну, ты, парень, и даешь! Наш человек, технарь!

А какой он технарь, обычный мальчишка, как все. С тех пор и закрепилось за Андреем добродушное прозвище, ставшее со временем позывным – Парень. И вроде на том смотрины закончились, вот разве

зампотех второй раз осмотрел движки и довольно подвел итог:

– Силен, бродяга! Такой с закрытыми глазами любую поршневую переберет. Загоняй аппарат, парень – за работу пять баллов. Эй, шутники, кто собирался буксировать?

Тут-то комбат и устроил молодому бойцу еще одну, совсем небольшую проверочку.

– А что, дружище, через ворота Тамерлана пройти сможешь?

Офицеры и сержанты удивленно зашумели:

– Аппарат хотя исправный, но не пройдет, товарищ майор, завалит обе стойки. Машина будет рыскать, никакой навик не поможет. С годик посидит в кресле мехвода, тогда, может, и освоится.

Ворота Тамерлана – не резные створки во дворце восточного правителя. То были самые обычные и отслужившие свой век кислородные баллоны, в створ которых пройти – задача не простая. Потому что зазор по краю гусениц минимальный, в коробок спичек, можно сказать, никакой. Это все равно, что на КамАЗе встать под разгрузку в старом дворике. На коварном испытании даже опытные водители, из тех, кто до службы водил тяжелую технику, рвали «гусянку» – гусеницы, говоря по-простому. А здесь новичок без году неделя. Одним словом, салага после учебки.

Андрей добродушно кивнул:

– Готов попробовать, товарищ майор. – И нырнул в танк. Молодой долго не собирался, сделал эффектную петлю и поставил «шестьдесят второй» на исходный рубеж. Едва комбат дал отмашку на рискованный

эксперимент, машина новичка качнулась, будто набирая силы, вырвала траками грунт и резво ушла с места.

– Куда прет, салажонок, краев не видит, – оценил старт низкорослый сержант из взвода технического обслуживания, – снесет баллон, опять окапывай.

Тем временем Андрей разогнал машину, не снижая скорости, скорректировал курс и влетел в стальной проем на полном ходу. Уже за синими маркерами танк нырнул в ров и гордо выскочил на пригорок. Здесь водитель развернул свою машину и неторопливо подкатил к проверяющим.

– Товарищ майор, ваше задание выполнено!

Наблюдатели принялись трясти героя, обнимать и хлопать. Комбат, хитро улыбаясь, дождался финала и довольно спросил:

– И кто же у нас таков есть? – Услышав фамилию, уточнил: – Немец? Что ж, наши немцы народ аккуратный и работающий, но чтобы так гоняли по главной улице с оркестром – вижу впервые.

– Наполовину, по маме, украинец. Одним словом – русский.

Командир батальона размял пальцы, будто собирался сесть за рычаги управления, и обратился к зампотеху.

– В общем, так, Иваныч, парня представить к ефрейтору. – Присутствующие вновь загудели: не успел учебку отпахать, а уже первая лычка на погонах. – Ты где проходил подготовку, сынок?

– Как все, товарищ майор, в Юрге! По полной программе, пятьсот часов, зачет сдан, вот разве физическая подготовка подкачала.

– Физподготовка дело наживное, на ремонте мышцу накачаешь, будешь покрепче Юрия Власова, главное – ворота прошел, комар носа не подточит. На такой скорости маневр я второй раз в жизни наблюдаю. Глазомер у тебя отменный, боец, да и технику любишь. Зампотех, ты присмотришь к парню, готовый старший механик, – посоветовал, как отрезал, комбат и не ошибся.

Оставшись на правом берегу, командир танкового батальона совсем и не думал сдавать позицию, тем более паниковать и метаться. На что способен его экипаж, комбат знал, боекомплект под завязку, да и тактику противника опытный офицер разгадал еще на переправе. Сейчас по его машине будут лупить со всех стволов. Плотный огонь для опытного командира совсем не в диковинку, и не такое бывало. Танковая дуэль для экипажа – высшая доблесть и испытание. В бою для танкиста главное интуиция и грамотное использование местности. Беда в том, что изменились условия, и за маневрами следят не только через прицелы вражеской техники. Где-то с высоты работает опытный наблюдатель, а то и пара беспилотных аппаратов. Враг обстановку хорошо видит. Натовские поделки, как ни крути, будут выдавать точные координаты по наземным целям, только не зевай.

– Товарищ майор, мы для противника, как сурок для беркута, – спокойно заметил наводчик. Надо бы охотника мал-мала перехитрить, след запутать.

– Это ты точно заметил, Ульген, – подтвердил Кедр. – Электронные системы у натовцев сегодня

по первому разряду. Они всему миру говорят – мы в конфликте не участвуем. Все верно, не участвуют. Они его организуют! Мы с такой оказией в бою пока не встречались, все больше по учебным фильмам. А то, что второй раз на неделе биты, то не беда! За битого – двух не битых дают. – Комбат хладнокровно оценил позицию и спокойно, будто они не в сложной обстановке, а в учебном классе продолжил: – Боевая задача – отжать противника от реки и не дать бронетехнике выйти на Онгудая. Иначе сомнут наших ребят! Двигаемся много, на горючке не экономим. Решительно используем маневр и рельеф, прикрываем пехоту и не даем шансов для атаки. Парень, выводите машину на боевой рубеж.

– Есть, товарищ командир, – Андрей поправил шлем, еще раз изучил обстановку через триплекс и вывел машину метров на двести вперед. За луговиной мехвод дал угол в заросли и нырнул в небольшую лощину. – Наводчик, прямо по курсу вижу цель, «Бредли». Чешет пехота с тыльной стороны лесополосы. Ты, Ульген, бери его в просвете, меж орешника. Смотри, непусти. Бронебойным заряжай.

– Цель вижу, товарищ командир.

– Огонь!

После залпа танк присел на гусеницы, ствол качнулся вверх-вниз и замер, а снаряд ушел точно по назначению.

– Как в аптеке, ай молодца, Ульген, настоящий снайпер! Парень, твоя работа.

Андрей к своему маневру уже был готов. То, что снаряд уйдет по адресу, он и не сомневался. Как

наставлял его дядька Василий, бывший танкист, в бою никогда не тушуйся. Если наводчик опытный, снаряд обязательно уйдет по назначению. Работа механика – вовремя вывести машину из-под удара и совершить грамотный маневр. В твоих руках не рычаги управления, а жизнь экипажа.

– Механик, – раздался голос командира, – играем в елку. У тебя на маневр тридцать секунд, Парень, потом арта накроет.

– Есть, товарищ майор, – Андрей ловко развернул машину, вроде подставляя под удар борт, и тут же отвел железную махину на новую позицию. Едва «семьдесят второй» спрятался за перекат, раздался свист и три снаряда кучно легли на место, где минутой ранее был танк.

– Вижу импортный БТР – «француз» или «швед», заходит справа. Смотри, ребята, вся старушонка Европа на утренник собралась. Ульген, готовь ей подарок, бронебойным заряжай.

Грозный «семьдесят второй» вышел на охоту. Рисунок боя показывал, что далекий и опытный натовский наводчик изрядно нервничает, никак не может разгадать почерк экипажа. И хотя интервал между выстрелами его дальнобоя сократился, но снаряды по-прежнему уходят в «молоко», именно в то место, на котором танк был и где его уже нет.

В огненном танце прошло не менее часа. Экипаж грамотно работал по целям, и дымные шлейфы нависли над лесополосой, а в чистом поле, по которому походным маршем двигалась тяжелая техника, вспыхнул первый «восьмидесятый» врага. Пехота Онгудая при такой поддержке грамотно

отжала противника. Наши мотострелки не оставили никакого шанса на контратаку и уже готовились выходить к переправе.

Андрей умело вел разгоряченную машину, то пряча её, то прижимая к кромке лесного массива. И всякий раз звук смертельного прилета рождал в нем новые, никогда не испытанные чувства. В это утро он понял, нет – увидел цвет войны, он черный! Той самой, настоящей войны, о которой ранее знал лишь по рассказам армейских наставников и далеким урокам в школе. И сейчас он, самый обычный и нескладный парень из сельской глубинки, ведет бой. Со своим командиром и молчуном Ульгеном он отстаивает не только заросший берег малой русской реки, которых в России тысячи. За ними – ребята пехотинцы, бабушкин дом, родное село, большая Родина и «Три Сестры»* на перекрестке дорог. И никто за него не возьмет рычаги управления, не заменит и не исполнит солдатский долг!

С первым выстрелом он окончательно понял – война не детская игра на улицах родного села и не скачущие картинки на экране домашнего компьютера. Это даже не учебные стрельбы в далекой Юрге. В узком обзоре боевого танка перед ним панорама настоящего боя! И может случиться так, что в короткой схватке за речную переправу жизнь сельского парня может в любой момент прерваться. Ударит первый снаряд, сметет защитную «чешую», а потом второй! Взметнется за спиной огненный

---

* **Три сестры** — Мемориальная стела с бронзовым кольцом. Возведена в 1975 году на перекрестке трех дорог, ведущих к Гомелю, Брянску и Чернигову. Символ дружбы трех славянских народов — белорусского, русского и украинского.

столб в кассете боевого запаса, и мир исчезнет, наступит пустота и холод. Не будет Андрея, навсегда не будет. Но почему ему не страшно? Нет времени разбираться!

– Я – Катунь, левый берег отход завершил, спасибо за работу, бойцы. Онгудай, при выходе машины придется оставить, иначе арта пехоту накроет. Понтонеры помогут с переправой личного состава, будут ждать на броне. На суше двигай своим ходом в заданный квадрат, там подберем. Кедр, с отходом пехоты отползаешь к переправе, машину уничтожить. Шмидт доставку на три персоны тебе приготовит.

– Онгудай, это Кедр, десять минут тебе хватит?

– Выше крыши, командир. Выхожу у переправы.

И уже по внутренней связи Кедр выдал последние наставления:

– Все, ребята. Извините, что без драки. Теперь так: полчаса работаем по полной программе, затем выходим на берег, к переправе. Ульген, боекомплект выбираем не полностью, машину врагу не оставлять. Как завершим работу, на бэка ставь гранату и пулей наружу, не вздумай мешкать, чтоб не накрыло!

– Товарищ майор, не надо рисковать, работайте до упора. Обещаю, танк врагу не оставим, сработаю на гидроударе.

– Добре, Парень, хорошее решение. Работаем дальше, с гранатой отставить.

И вновь понеслось по связи:

– Кедр, мы почти на отливе, двухсотых нет, пять трехсотых, степень ранений разная, встретимся на

левом берегу. Ты извини, командир, но тушенка для Фильки будет от пехоты, разведка замешкала.

– Смотри, не перекорми псину, – сурово осадил Кедр.

При коротком радиообмене БМП выскакивали на берег, экипажи без суеты грузились в легкий катерок, который еще утром ставил переправу, и тот, лихо маневрируя, перебрасывал на левый берег. На суглинке бойцов встречала команда Шмидта с санитарными носилками. Группы выбирались на твердый грунт и тут же уходили в «зеленку». Едва весь взвод собрался, тонкая цепочка парней скрылась в зарослях. По приказу на косогоре остались двое: моторист, что приткнул катерок в заливчик, да боец в балаклаве из группы Онгудая.

– Действуй, Прибой, будем ждать, – подбодрил сержант со шрамом и похлопал товарища по измазанной илом гимнастерке.

Два бойца заняли удобную позицию в глубокой складке левого берега. Прав был Шмидт, отлив для выхода оказался непригоден. И по приказу командира бронемашины должны быть уничтожены. И сейчас «коробочки» молча ожидали своей суровой участи. Боец отработанными движениями привел ручной гранатомет в боевое положение, как над рекой вновь раздался протяжный свист. Ребята залегли, наблюдая из неглубокой балки, как боевые единицы накрыл залп вражеской артиллерии. Четвертый снаряд лег совсем рядом, по касательной зацепил трупягу катерок, разорвал борт и отбросил его к зарослям.

– Кучно укладывают, учись, флотилия!

– Вот не пойму, чего такого им подкинула наша муза из Евросоюза, что они так плотно работают.

– Дай срок, пойдем и ответочку отправим, да еще и диссертацию напишем. Теперь твоя работа, речфлот, готовься встречать комбата с его экипажем. Я прикрываю, перебросишь ребят, уходим вместе. Еще успеем вечером в шахматишки... У нас чай сибирский, с лимонником, вчера посылки от боевых подруг получили. Оцени талисманчик, Прибой, – боец в балаклаве расстегнул нагрудный карман и достал мягкую игрушку. На ладони товарища лежал ручной работы пеликан, с большим желтым клювом и рубиновыми бусинками глаз.

– Необычный. А мне письмо пришло от ребят из нашей школы.

В это время на отлив выскочил командирский Т-72. И пока он совершал крутой разворот, Прибой перескочил реку и зачалил резиновую лодку в ближайшем заливишке. Обнаружив плавсредство на своем берегу, комбат решительно приказал:

– Экипажу покинуть машину, слева по борту речной трамвайчик на трех пассажиров с личным водителем. Грузимся плотно, без песен и танцев народов мира. Механик, приказываю машину вывести из строя, экипажу вернуться в расположение части в полном составе.

– Вас понял, товарищ майор, две минуты.

– Андрей, выполнишь приказ и бегом к нам, будем ждать.

– Пять секунд, батя.

Пока экипаж готовился к переправе, Андрей развернул машину моторным отсеком к воде, погрузил корпус своего танка до самой башни, так, чтобы воздушные заборники полностью ушли под воду. Едва двигатель захватил грязную воду и погнал через воздушные фильтры в цилиндры, двенадцать мощных поршней споткнулись о водную эмульсию. Танк вздрогнул, будто натолкнулся на невидимую преграду. Раздался чудовищный скрежет срываемого со шпилек блока, невероятный хруст распределов, поршней и клапанов. И горячее сердце грозной машины, которое исправно работало в бою, тотчас было разорвано мощным гидравлическим ударом. В тишине Андрей расстегнул шлем, с горечью вытер ладонью лицо и провел рукой по теплой броне любимой машины – ты прости меня...

До спасения оставались секунды. Экипаж задание выполнил, взял на себя огонь и надежно прикрыл пехоту, уничтожил семь единиц бронетехники врага! Да и боевая машина не захвачена врагом, а по приказу выведена из строя. Сейчас он обогнет горящий БМП, доложит о выполнении поставленной задачи, и молодой моторист пулей перебросит танкистов на левый берег...

И в этот миг в голубизне бездонного неба раздался тонкий, навязчивый, едва различимый свист. Тот самый, что в танке рождал ощущение боя. Но здесь открытый берег и последнее, что он услышал, был гортанный крик командира «Андрей, ложись!». Мгновение, и легкую лодку накрыл умный снаряд сто пятьдесят пятого калибра. Его в апреле доставили в

порт польского города Гданьска, а сегодня он принес смерть на берег речушки.

Рванные куски железа, обрывки серой резины и секущий песок с грязью и илом взметнулись над прибрежной зеленью Малороссии. И всех стоящих у легкой лодочки – комбата, прошедшего дорогами войны, остроглазого наводчика из далекой Хакасии и мальчишку, мечтавшего стать морским капитаном, поглотил огненный шар.

Шар рассыпался на миллионы огненных брызг и серых песчинок. Упругая, горячая как кипяток, взрывная волна подняла Андрея над горячей машиной пехоты и с силой бросила на влажный песок. Он упал у края канавы с тяжелым выдохом, будто душа бойца вырвалась наружу. Капля крови заскользила по верхней губе, пальцы безвольно разжались, и шлем покорно лег рядом с хозяином. В огненной увертюре утреннего боя за крохотную переправу наступила оглушительная пауза.

Сквозь пустоту Андрей услышал мирное стрекотание. Странно, так у бабушки работает «водная станция» – самый обычный домашний насос, что качает живительную влагу из подземной скважины. А он птицей парит над родным домом и сквозь прозрачные стены видит, как бабушка наливает ему в кружку крепкого чая. В соседней комнате ворчит телевизор, на дворе ночь, и на кухне они мирно беседуют, отогреваются с мороза. Странно, почему он видит себя со стороны, так бывает только в кино. Может быть, это и есть кино, но тогда почему ему так больно? Будто в слесарных

тисках зажали сердце. Горячий комочек едва стучит, лопаются тонкие капилляры, а стальные щечки слесарного инструмента давят, давят. И тонкая алая струйка сочится из носа. И все же, почему мотор жужжит сверху, воду с небес не качают. Ага, а дождь? Небесный оркестр играет флейтами водосточных труб и барабанами сельских крыш...

Отставить флейты и барабаны! Ты – механик-водитель. Вспомни, был бой, твой главный бой...

Мы встретили превосходящие силы противника, обеспечили прикрытие наших, а затем вышли из-под огня. Вставай, приятель, тебя ждет комбат, разве ты забыл! Надо спешить, бежать во весь опор, иначе командир будет тобой недоволен.

Нет, все не так, и вовсе не май, на дворе зима! Ты же чувствуешь, как тебе холодно, очень холодно, прожигает мороз, и работает водяной насос, разве ты не слышишь? Проснись, ты дома!

Да, чувствую, мне холодно. Значит, не было никакого боя, тебе привиделся тяжелый сон, и ты в родных Табунах, в доме с березой за окном. Верно, как же он забыл – вчера позвонила бабушка Оля. После полного отчета о меню в армейской столовой завязался обычный разговор.

– Как ты, кого из ребят видеда, дома все в порядке?

– Андрюша, ты не волнуйся. У меня перехватило «водяную станцию». Придется до весны с ведрами бегать.

– Ты чего, родная, какие ведра! Жди, завтра приеду.

Еще с вечера Андрей взял краткосрочный отпуск. Комбат подписал, не вдаваясь в детали.

– Заводи мотор, Парень, помочь бабушке святое дело. На всё про всё три дня.

По-быстрому оформлен отпуск, и бегом на автобус. От Алейска до Табунов по сибирским меркам совсем недалеко, но за пять минут не добраться. И после обеда боец влетает в запорошенный двор. Как в детстве, стучит условным стуком и уже на пороге обнимает самого близкого ему человека.

А затем – дело: снег откидал от крыльца до калитки. Достал из сарая нужный инструмент и нырнул в широкий колодец, будто за год истосковался по домашней работе. Батальонный механик не торопясь отогрел перехваченный морозом насос, благо, ничего серьезного. На всякий случай протянул водопроводные стоны, проверил входной вентиль.

А бабушка радостно подает нужные инструменты и в стареньком ведре подносит кипяток. К полуночи работу завершили, и вот Андрей высунулся по пояс и с хитрым видом доложил: «Товарищ полковник, ваше задание выполнено, аппарат к работе готов, можете запускать».

Бабушка с достоинством нажимает заветную кнопку, и «станция» мелодично постукивает крыльчаткой. Мгновение, и водный поток приятно шумит на кухне.

Уже в потемках они утеплили крышку, и пока Андрей для надежности набрасывает снег, Ольга Григорьевна ставит воду для домашних пельмешек, приговаривая: «Как же ты ловок, Андрюша».

Стоп, если работает станция и сейчас зима, то почему он в летней гимнастёрке? – Андрей с трудом вытащил из-под себя руку и затёкшими

пальцами потрогал мокрую ткань летней формы. Действительно, гимнастерка! И створка речной раковины вонзилась ему в щеку. Откуда в Табунах ракушка = перловица? Значит, нет никакого краткосрочного отпуска. Он далеко-далеко от родного дома, можно сказать на другом краю мира, и лежит на речном берегу. Он обязан вспомнить, как называется речка, это жизненно важно – Чумыш, Алей или Чарыш? Ерунда какая, это позывные разведчиков. И почему это должно быть важным? Разве название имеет значение? Да нет же, он лежит на песке, а в двух шагах тот самый Тихий Дон! Какой же это Дон, садись, Андрей – двойка. Разве ты не видишь, это другая река, ты не учил урок? Прочти классу отрывок – «Чуден Днепр при тихой погоде!» Какой урок, какой отрывок, ты год как за порогом школы, все это было в иной, мирной жизни. Сейчас война и перед тобой не Дон, а маленький Донец. Точно, река так и называется – Северский Донец. Сегодня утром здесь был лютый бой за переправу.

Значит, он помнит, значит – живой. И визг пропеллера совсем не от домашнего насоса. Над ним, как беркут над сурком, кружит вражеский наблюдатель. Сейчас оператор его обнаружит, передаст минометному расчету координаты, и все, конец. Не будет ни боли, ни мыслей, ничего не будет. Надо уходить...

В стремительном калейдоскопе ощущений к танкисту возвращалось сознание, как возвращается к больному после тяжелой болезни. И житейская сила воли, жажда жизни, что есть в каждом сибирском парне, заставила его приподнять голову.

Заснеженные Табуны качнулись, поплыли над берегом, за поворотом в мареве зимней метели растворились ушедшие события. Он вернулся в реальность. Перед глазами лежит кусок обгоревшей резины, и по низине стелется тягучий дым войны.

Я один, господи! Неужели я один? Сквозь боль в висках закрутилась лента черно-белой хроники – батяня, что протянул к нему руки, растерянное лицо мальчишки понтонера и Ульген, спокойно смотрящий в глаза смерти. Господи, почему на твоей земле так несправедливо?

И ответ пришел из дальней кладовой его памяти. Он вспомнил, как прошлым летом с комбатом ушел на берег Алея – старенькое льняное полотенце с олимпийской символикой, термос с кофе и разговор двух взрослых мужчин. Андрей рассказывал старшему другу о своем детстве. Как рос на улице Мира, о трудной судьбе своей мамы, любимой бабушке и тете Гале, что баловала ребятню конфетами «Ромашка». А потом, затаив дыхание, слушал своего наставника. Жизненную повесть настоящего воина, танкиста, что прошел все испытания на дальних рубежах нашей Родины. И когда ступили сумерки, он спросил: почему наш мир так несправедлив, Петр Алексеевич?

– Мир разный, Андрей, в нем всего отмерено поровну, добра и зла. Главное, как поступаешь именно ты. У Льва Толстого я встретил, что одно из самых обычных заблуждений состоит в том, чтобы считать людей добрыми, злыми, глупыми, умными. Человек живет, и в нем есть все возможности: был глуп, стал умен, был зол, стал добр... В этом

величие человека. Понимаешь, Андрей, нельзя судить человека. Ты осудил, а он уже другой. Нельзя и сказать – не люблю. Ты сказал, а он другой... Понимаешь, для каждого, рано или поздно приходит время испытаний. Придет и твой час. Ты только не бойся, ничего не бойся.

И берег, что был с трудом различим, вдруг стал кристально ясен. Из глаз Андрея потекли слезы, тяжелый комок прокатился по горлу, мешая дышать. Пришло время твоих испытаний, парень. События окончательно связались в единую нить, огнем обожгли слова, что перед марш-броском предназначались только ему. Наставник впервые обнял своего механика.

– Ты береги себя, Парень, во чтобы то ни стало береги. Будем жить, сын!

Как же так, батя? Андрей повалился набок, ударил кулаком по песку. Как же так, ты все знал? Вновь молочная пелена разлилась по берегу, и силы покинули, сознание ушло. Андрей лежал неподвижно. И сейчас прилетит снаряд.

Прошло время, коварный снаряд так и не прилетел. Жизнь молодого танкиста не прервалась, он жив и должен уходить, так приказал комбат. Парень подтянул к себе шлем, что преданно лежал рядом, и медленно, с большим трудом, пополз к реке. На кромке он зачерпнул мутной, пахнувшей илом воды и сделал несколько жадных глотков. Голова по-прежнему кружилась, да и приступы отвратительной тошноты неотступно накатывали, но он видел, слышал и понимал, что происходит вокруг, он жив и может двигаться.

Он уже видел прижатую к берегу панель армейской переправы, развороченный берег, обгоревший борт машины пехоты. Надо уходить, в любой момент выползут головорезы из нацбата, и тогда пощады не жди. Тогда мучительная смерть, эти пленных не берут. Но как же идти, если кружится голова?.. При контузии нужно принять горизонтальное положение, так наставлял санинструктор. Хочешь не хочешь, тебе следует отлежаться в спасительной «зеленке», там не заметят. Припадая на колено, механик взобрался на песчаный откос к зарослям ивняка. Бросил под голову «говорящую шапку» и, лежа на спине, смотрел в пустоту синего неба. Носом шла тонкая струйка крови, но стальные тиски разжалась. Веки его сомкнулись, рука легла на траву, и сквозь дымку ушедшего боя опять закружилось цветное кино из размеренного мира детства – его Табуны.

По современным меркам село небольшое, наполнилось жизнью в дни Великой войны, когда составы пошли на Алтай. А до этого чистое поле – Большой табун. Юг Сибири – щедрый, в достатке городов и сел. С предгорным разнотравьем, смолой ленточных боров и полноводьем горных рек. А Табуны – село степное, суровое. Но если встать посреди широкой улицы, то обязательно увидишь большую дугу горизонта. Ту самую тонкую линию, на которой алмазный небосвод встречается с землей. Село на границе мира.

Нрав у степи суровый, беспощадный, один «казахстанский ливень» чего стоит! Бывает, налетит

от южного соседа суховой с песком и пылью и начнет сечь до боли. Но здесь твоя родина, Андрей, мир детства обмену не подлежит. В степной жизни силен и отзывчив человек, готовый прийти на помощь, в любой суховой и буранную ночь. Прав был комбат, мир разный, главное – какие в этом мире мы!

Мысли о малой родине на краю Алтая лечебным бальзамом ложились на раны и придавали ему силы. Он вспомнил, как в десятом классе со своим другом Петькой тайно взобрался на элеватор. Бетонный мастодонт с гигантскими стаканами зернохранилищ в его жизни был всегда. Говорят, что махину построили при освоении целины, с разумным прицелом на железную дорогу. Оно и понятно, только так золотой поток укроется в закромах от продувных ветров и осенней непогоды. Громадина элеватора для плоской степи явление непривычное, просто небоскреб, посильнее московских высоток. Много элеваторов в Алтайском крае, возьми хоть Поспелихинский, что спрятался за перекатом, или Шипуновский, который на большой магистрали никак не минуешь. А его, Табунский – особенный, гордый ковчег непокорной степи. И случайный путник уже издали, километров за тридцать, а может, и все пятьдесят, заметит серые башни и в восхищении воскликнет – о, Табуны уже рядом!

Вспомнил, как по раскаленному рубероиду подкрались они к шершавой кромке и обомлели от восхищения. Повсюду, насколько хватал глаз, расстилалась великая степь с ровными квадратами полей. Острая стрелка железной дороги, что бежит к Кулунде, а за спиной большой город Славгород.

И всюду крупницы малых сел – Самбор, Новокиевка, Новороссийка, Большая Романовка и даже Сереброполье. И совсем далеко, где-то на кромке горизонта сверкают соленые озера – Яровое и Кулундинское.

А внизу, прямо под ними, в сарафане летней зелени родное село: главная площадь с Домом культуры, стадион, уютные скверы и магазины, дизельный трактор на постаменте, фигурная скобка родной школы и районная библиотека.

– Смотри, это же моя улица Мира! Бери чуть правее – там бабушкин дом.

– Где, Андрюха, не вижу? Отправную точку заценить не могу. От трансформатора плясать, что ли?

– Какой трансформатор, держи курс на главную площадь! Так, хорошо. Дальше почта, видишь?

– Нашел. Смотри, наша немка в школу торопится. Готовь, друган, домашнее задание: плюс-квам-перфект, язык сломаешь. Помаши тёте ручкой!

Лицо раненого танкиста впервые осветилось улыбкой – кончики губ шевельнулись и пошли вверх.

Когда мама Алла уехала на Северá, чтобы подзаработать деньжат и обустроить личную жизнь, он перебрался с улицы Мира в дом к бабушке Оле.

– Мальчик мой, ты прости меня, так получилось, – гладила мать спящего сына перед расставанием, – с бабушкой тебе будет лучше.

Только он и не спал. «Мама, я все понимаю».

Добрая бабушка окружила подростка житейской заботой, на которую способна лишь мать, прошедшая

через многие испытания. Нет никого дороже этой застенчивой женщины с натруженными руками. Руки, эти теплые бабушкины руки – в сознании закрутилось домашнее видео с выпускного вечера, совсем крохотный кусочек, когда они получали свои аттестаты.

Торжественные речи сказаны – директор, учителя, родительский комитет и даже гости из районной администрации напомнили залу про корабли, большое плавание и алые паруса взрослой жизни. И вот уже папы и мамы выводят своих птенцов в праздничных нарядах. Да каких там птенцов – взрослых ребят и девушек, которые волнуются, краснеют, но мужественно вышагивают по сцене. Трудно быть у всех на виду. Баба Оля, стесняясь общего внимания, ведет выпускника. Материнская ладонь с тонкой сеткой морщин нежно прикоснулась к плечу и отправила в новую, взрослую жизнь.

Рос Андрей ровно, мало чем отличался от сверстников, вот разве любили его девчонки за доброту и щедрую улыбку, а среди мальчишек никогда не было врагов.

– Ты, Андрюха, наш классный талисман, – шутил его приятель Сашка. Какой он талисман, учился не лучше других, особых достижений не имел, и на медаль, как некоторые, не рассчитывал. Одним словом – парень как все. Разве очень любил уроки труда. Выставит трудовик на табурет невесть где взятую «Белку» и наставляет притихший класс: сегодня мы займется разборкой и сборкой знаменитой стиральной машины.

– И чем же аппарат знаменит, с ВДНХ из Москвы привезли? – шутят ребята.

– Тем и знаменит, что в каждом доме на почетном месте. Ваших мам и бабушек от тяжелой домашней стирки освободил. Разбираем и не капризничаем, а тебе, Андрей, особое задание – бери инструмент и приступай к демонтажу шкива, видишь, как прикипел.

И до самых сумерек мальчишки колдуют над отслужившей свой век техникой.

– Здесь бы в самый раз отжимной валик поставить, – Андрей морщит лоб и дает свое первое рацпредложение. Довольный наставник выразительно поднимает указательный палец:

– Настоящий инженер. Тебе в политех дорога прямая. Смотри, не ошибись с выбором!

Он помнит родную школу, нехитрый мир школьного детства. И первую свою учительницу, что похвалила за первый в жизни диктант, тоже помнит. Первые каракули: «Был летний день. Алеша и мама пошли в поле. Треснула ветка. Это мышка юркнула в норку».

– Молодец, Андрей. С заданием справился, ставлю тебе уверенную четверку. Если и дальше так дело пойдет, станешь великим писателем, прославишь степное село.

Однажды на уроке литературы класс проходил «Войну и мир». Учительница не стала спрашивать про Андрея Болконского и Платона Каратаева, а молча повела в школьный музей.

– Сегодня у нас необычный урок, мы слушаем старую пластинку с произведением великого

русского композитора. Запомните, настоящая музыка не требует пояснения и иллюстрации. Прошу отложить учебники в сторону, звучит Чайковский – увертюра «1812 год».

И с первыми звуками класс притих. Так вот ты какая – война. Слушали молча, затаив дыхание, и даже малыш, что по ошибке заглянул в кабинет, никого не отвлек. С последними аккордами Андрей робко спросил:

– Я не могу сказать точно, но в конце звучало знакомое и такое враждебное. Мне показалось?

– Это «Марсельеза», ты правильно понял. Под эту музыку двенадцать армий Европы пошли войной на Россию, у тебя интуиция воина.

– Ой, а за ней звон колоколов и песня «Боже, царя храни», – заметили с последней парты.

– Эта не песня, а гимн Российской империи.

– А в финале мы же победили?

– Две Отечественных войны, ребята, для нашей страны слишком много. Но мы всегда побеждаем, потому что Россия огромна не только своими размерами, но и духом. Парнями такими, как вы. Просто у каждого свой час.

Андрей провел ладонью по носу, приоткрыл глаза и посмотрел на ладонь. Рука была сухой, без признаков крови. Это уже хорошо, от одной болячки избавился – плюсквамперфект. Вставай, симулянт, – взбудрил себя танкист, – голова почти не кружится, и тошноты особой нет, пора уходить. Вот разве хочется пить! Ничего, боец, потерпишь, из реки больше пить нельзя, ищи колодец. Взвод, подъем, мехводы на

выход, время пошло! Быстро оцени обстановку, вдруг твой командир только ранен и нуждается в помощи, а ты разлегся под кустом... увертюра двенадцатого года...

Треснула ветка. Нет, это не ветка, за далекими выстрелами угадывается движение противника, пора уходить. Танкист приподнялся, в глубоком колодце неба облако, похожее на боевую машину пехоты, поплыло и медленно растворилось у горизонта. Лишь черная птица кружила и кружила в синеве над рекой, хищно вычерчивая свои круги у переправы.

За лесопосадкой от фермы действительно пропела автоматная очередь, затем вторая, третья. Как уходить, если перед тобой река, а ты не умеешь плавать? Табуны село степное, на переднем крае Великой степи, хотя мелководных озёр по округе разбросано во множестве, в том же Самборе. Но дома нет реки и пруда, из всех водных процедур – летняя кадушка с дарами скудного лета, да ванна в бабушкином доме. Отсюда и страх, преодолеть сотню метров по весеннему половодью танкист просто не сможет.

С большой водой он впервые соприкоснулся в Яровом. В то лето дядя и тетя забрали Андрюшу к себе. Маленький поселок, с милыми палисадниками и опрятными улицами сразу полюбился мальчишке. Поселок Яровое чем-то напоминал родное село – теплый и уютный, вот разве химический гигант нависает над левой окраиной. Но более всего удивило и даже напугало соленое озеро, да чего

там, не озеро, настоящий океан. Каждый день семья уходила на берег, под жарким, почти южным солнцем загорали, купались, ребятня налегала на тети-Галины пирожки и беляшики. Он любовался красотой соленого озера – новой для него стихией, но плавать не торопился. Крупный, почти морской песок приятно щекотал ступни, а ровная гладь так и манила. Андрей играл на кромке воды, но зайти выше пояса, так и не решился, свой страх перед большой водой не преодолел.

– Андрей, учись, в жизни обязательно пригодится, – наставлял его дядька Василий, – придет момент, и умение плавать будет важнее всего на свете.

– Дядя Вася, я боюсь.

– Здесь вода соленая, сама тебя удержит. Ну, а на помощь возьми вон толстую палку, дерево не подведет, оно ведь живое.

По призыву Андрей ушел на армейскую службу сразу после школы. В Табунах ребят погрузили в потрепанный пазик, и мальчиков-одуванчиков отправили в Славгород. Бабушка не выдержала и на проводы приехала в соседний город. Стриженный призывник, уплетая у забора домашние пирожки, еще пошутил:

– Этак ты меня от военкомата до Челябинска подкармливать будешь?

Худенькая женщина с короткой стрижкой ничего не ответила, поцеловала в лоб и перекрестила на дорогу.

Не угадал Андрей, и на Урал его не направили. Привела армейская дорога в далекий и очень

красивый город на Амуре, где и покатила срочная служба в стрелковом подразделении. Как оказалось, совсем ненадолго. По осени в часть прибыли подтянутые офицеры, и молодежь собрали в армейском клубе. Гости обстоятельно и со знанием дела принялись приглашать на контракт. Андрея уговаривать не пришлось, сработала страсть к технике. Служить-то ему предложили в танковом батальоне Алейской бригады. Да и дом будет рядом, что совсем не на последнем месте. Так после непродолжительной службы на Дальнем Востоке Андрея вновь погрузили в купейный вагон и с небольшой командой доставили в Алейск.

В части, едва пролетели новогодние праздники, молодняк посадили за учебники и тренажеры. К весне подоспела учебка, направили трех танкистов в кемеровскую Юргу, где с новобранцами из других частей они отрабатывали боевые навыки и умения. На северном полигоне он окончательно понял – танки его призвание, выбор на всю оставшуюся жизнь.

Вспомнил Андрей своего дядю Васю, когда курсанты отрабатывали переправу в подводном положении. Пора уже было выходить на рубеж, а степной механик сидит на берегу, трясется. Подходит командир и спрашивает:

Почему, боец, сидим, почему не в машине?

– Плавать не умею, товарищ полковник.

– Учись, рядовой, в бою всякое может случиться.

Смотри, как это делается.

Седой полковник нырнул на место мехвода, задраил люки и спокойно провел машину по дну реки.

Прав был начальник учебки, умеет он плавать, сейчас за пять секунд отмахал бы саженками на левый берег, а там «зеленкой» – и вечером в расположении части. Но плавать он по-прежнему не умеет.

Стоп, а ведь ниже по течению – деревянный мост. Конструкция для прохода тяжелой техники непригодная, при разборе боевой задачи комбат сразу это отметил. Так то для бронетехники, а для бойца в самый раз – с бревнышка на бревнышко. Отставить панику! Что полагается делать бойцу при выходе из окружения? Правильно, бойцу полагается изучить оперативную обстановку и скрытно пробраться в заданный квадрат. Вы, товарищ ефрейтор, просто обязаны явиться с рапортом и доложить, как комбат вел бой с превосходящими силами противника.

От лесополосы вновь раздались одиночные выстрелы. Неужели ребята из первого эшелона не успели отойти, наткнулись на засаду? Так нет, боевые машины пехоты вышли на берег. Ты же слышал, как Онгудай доложил, что двухсотых нет, взвод вышел без потерь. Чего тут гадать, противник прочесывает «зеленку», палит по орешнику для уверенности.

Андрей решительно надел черный как смоль шлем, нечего растекаться манной кашей по тарелке. И пока танкистский шлем, «говорящая шапка», рядом – со мною ничего не случится. А выйдем из передраги, обязательно пропишу черный шлем в

бабушкином доме, на самом видном месте. Будем жить, товарищ майор, дай только задраить люки.

Андрей спрыгнул с песчаного откоса и уверенно направился к подбитой технике. Сгоревший БТР осматривать было бесполезно, второй разбит прямым попаданием, его внутренности валяются почти у воды. Лишь в третьей машине удалось сдвинуть кормовую дверь, обнажив бронированное убежище стрелкового отделения. В беспорядке валялись пустые рожки, гильзы и большой комок бинтов с пятнами крови. Андрей откинул промасленный бушлат и под ватной его подстежкой обнаружил ценную находку: на дне пустого цинка притаился оставленный пехотой подсумок с патронами. Неплохо, совсем неплохо, только цена такой находке не велика, пятак в базарный день, если при тебе нет оружия.

Автомат, сейчас ему нужен самый обычный автомат. В поиске полезных вещей Андрей внимательно осмотрел взрытый берег. В прибрежном хаосе не было ничего ценного. И все же перед уходом он решил еще раз осмотреть полосу отлива. Вокруг разбитой техники валялись искореженные куски металла, коряги, куски резины. Как вдруг, под толстым слоем прибрежного мусора, он заметил едва видимую полоску цвета хаки. Андрей встал на колени, потянул ремень, и влажный песок податливо осыпался. В его руках оказался самый обычный и такой родной автомат – АКМ. Конечно же, этот грязный, забитый песком «калаш» того паренька-понтонера с переправы.

Спасибо тебе, Прибой. Твой автомат не чищен, так это не беда! Сейчас я его так отдраю, что ты не узнаешь. Андрей скинул гимнастерку и уверенными движениями раскидал автомат, как на занятиях по огневой подготовке. Когда были очищены все узлы и детали, Андрей вслух скомандовал:

– К сборке автомата приступить, время пошло! Оружие к осмотру.

Пять секунд, и ствол решительно готов к бою – передернут затвор, контрольный выстрел, предохранитель и магазин. Автомат в походное положение, боец! К БМП бегом марш, взять самое необходимое – подсумок, плотную упаковку с бинтами и оранжевую коробку аптечки.

Начало пути к далекой переправе далось легко, не тяжелее марш-броска под Хабаровском. И один в поле воин, если это русский воин, – вспомнил Андрей наставление сержанта из горной Тувы.

Именно в учебке взвод Андрея многократно совершал марш-броски, да не в спортивном трико и кроссовках, а при полной боевой выкладке. Ремень оттягивали саперная лопатка и фляжка, тяжелые подсумки и противогаз. Да и ствол за спиной казался неподъемным. А каково было гранатометчикам и пулеметным расчетам!

Дорога уже не казалась непреодолимой, он знал, как будет двигаться и как выйдет на свой берег. Главное серой мышкой добраться до переправы. Он вернется, непременно вернется ради родных и близких ему людей. Придет время, постучит в окно и скажет: «Здравствуй, бабушка! Твой внук прибыл

в краткосрочный отпуск для оказания неотложной технической помощи».

Что будет впереди, неизвестно – может, враг, а может, ровная дорога, но и старший механик не новичок в военном деле. Как говорил его трудовик – задачи будем решать по мере поступления. Вот и будем решать!

Отойти от переправы Андрей далеко не успел, от силы метров триста или того меньше. Со стороны заброшенного поля вновь послышались выстрелы, теперь уже совсем близко. Боец присел и прислушался к беспорядочной стрельбе, что вновь открылась в двух шагах от переправы.

Едва хаотичная пальба приостановилась, Андрей снял с плеча автомат и осторожно вышел на край прибрежных зарослей. Русское поле, зажатое с трех сторон лесными посадками, открылось ему как на ладони. Панорама финальной схватки двух сил, обнажилась перед ним во всей трагичности.

От ближней опоры ЛЭП двигались знакомые фигуры – боевая группа Алея, что первой ушла на берег. Двигались ребята налегке – сняты спасительные броники, каски. Ничего кроме черных автоматов, вот разве у командира на толстом ремне болтался странный прибор – ящик цвета хаки, да Скорый держал в руках трофейную американскую винтовку.

Разведчики отходили уступом, потому как поджарый боец сильно прихрамывал. Лодыжка его была перетянута офицерской банданой с большим рыжим пятном. Командир практически

нес раненого товарища на себе. Разведчик Скорый прикрывал отход, работал грамотно, то смещаясь к краю лесопосадки, то откатываясь в естественные складки поля.

На расстоянии метров двухсот двигалась большая группа преследователей в разномастном обмундировании. Бесформенная толпа растянулась, и было видно, что преследователи уже устали, проще говоря, выдохлись. Однако азарт и жажда крови гнали их рой вперед. Эти люди совсем не были похожи на воинское подразделение, толпа визжала, улюлюкала и беспорядочно палила по живым мишеням, будто сейчас они не в сердцеvine России, а на дикой охоте в саванне. Только дичь в этот раз – не экзотические животные, а живые люди.

«Да, сходили ребята на вареники... – подумал старший механик и снял автомат с предохранителя. – Оружие к бою!» Наших трое, преследователей не менее двух десятков, ребята это понимают. Да и боевой запас у разведчиков на исходе, потому и отстреливаются одиночными. Вот Скорый перекатился в ложбину, отработал американской винтовкой и за ненадобностью откинул трофей в сторону.

Андрей прищурился, дистанция стремительно сокращалась, и при таком раскладе Алей не успеет выйти к спасительному «Нырку», наемники перехватят разведчиков на подходе. Их восемь, нас двое – расклад перед боем не наш... – вспомнил забытую песню Андрей.

Это мы еще посмотрим, чей расклад сильнее, подпусти ближе. Чудес на земле не бывает, сказал

комбриг Катунь, вот и отработаем по-взрослому, без чудес. И будто читая мысли танкиста, крепкий боец, что-то крикнул лейтенанту и сделал одиночный выстрел. Пока преследователи метались по грунтовке, разведчик неприметно перекатился к основанию пирамидального тополя. Позицию он выбрал грамотно, отжимая преследователей на поле. Противник, опьяненный погоней, сейчас наверняка наткнется на плотный огонь и вынужден будет выйти на открытое пространство.

Так и есть, бородатый верзила в песчаном камуфляже, что бежал первым и весело орал «Глори, глори, аллилуйя!»*, вдруг удивленно остановился, будто увидел нечто необычное, вскинул руки и опрокинулся навзничь.

– Тебя же комбат предупреждал, сидеть на ранчо...

За ним споткнулся щуплый бородач, с пестрой косынкой-арафаткой на шее. Бородач заскулил и, держась за раненую ногу, остался на русской стерне. Преследователи, ругаясь на всех языках мира, рассыпались и залегли.

Начался поединок, Андрей видел, как Скорый отполз и занял удобную позицию для боя, возможно, последнего в своей жизни. Еще немного и наступит конец. Беспородный пес Филимон уже не дождетя своего друга. Из-за тополя разведчик снял еще одного в пятнистой форме и темных очках сафари. Наткнувшись на пулю, охотник смешно подпрыгнул и ткнулся головой в землю.

---

* **Глори, аллилуйя** (Glory, Glory, hallelujah) — боевая песня времен войны Севера и Юга в США. Построена на основе протестантского гимна.

При падении наемника в очках нервы одного из преследователей сдали, в полный рост встал тощий человек с грязным чубом. Грязный человек держал в руках наш российский РПК и с упора от живота принялся неистово поливать в сторону дерева. Бритый его затылок дергался в унисон выстрелам, и длинный оселедец зловеще откинулся назад. И пока чубатый прижимал разведчика к земле, трое в натовской «форме пустынь» крепко сместились по полю. Сейчас они поймут, что у Скорого нет патронов...

И от зеленого клина, что врезался в поле, послышались ровные щелчки. Андрей работал умело, отсекая патроны по два, так его учили боевые наставники в Хабаровске. Парень бил прицельно и хладнокровно, преследователи запаниковали, стало непонятно, кто на кого охотится. «Скорый, поторопись!» И тот словно услышал Андрея, скрылся в прибрежных зарослях.

А теперь бегом на берег, к мутной воде Северского Донца.

Разгоряченный боем, он выскочил на берег, на песке ход замедлил, перешел на шаг и уже у воды остановился. Он совсем забыл, реку ему вплавь не взять. Бежать к переправе бесполезно, не успеет. Но в руках надежный «Калашников», и надо принять единственное решение – в каком месте пустынного берега встретить последний бой.

В эту короткую минуту на берегу реки ему опять вспомнилось родное, затерянное в степи село, школа с большой поляной футбольного поля, уютный дом

бабы Оли, громадина элеватора на краю железной дороги и тихая церквушка в центре. Только сейчас он понял, зачем перед уходом попросил бабу:

– Родная, пойдём в храм!

– Что ты хочешь, Андрюша?

– Освятить мне крест нательный.

Как вспомнил и короткий разговор с молодым священником.

– Ты береги себя, воин. А наступит минута роковая, себя не пожалей ради друга своего. И создатель тебя не оставит.

На развороченной дороге у речной переправы, где гарь и копоть войны еще стелилась по низинам, послышался топот бегущих людей.

– Господи, если ты есть, не оставь меня в последнюю минуту, – воин снял автомат с плеча, готовясь к последнему бою.

И когда на крутояре уже слышались голоса, от затонувшего понтона течение выдернуло обветренный «карандаш» придорожного столба. Белые фарфоровые чашки поблескивали на солнце, а бесформенные провода, как терновый венец опутали верхнюю крестовину. Самый обычный столб электрической передачи, что за десятки лет промыт дождями и просушен ветрами, сейчас был подхвачен течением и выброшен на середину реки. Серый кругляш лениво, будто нехотя потянулся к левому берегу. Надо решаться, не упusti свой шанс! Но ты же не умеешь плавать... дерево оно живое! Андрей забросил автомат за спину, отступил пару шагов, выдохнул и впервые в жизни нырнул.

Холодные воды весеннего половодья обожгли его, сжали, скрутили и потянули килю к дну. Тяжелые берцы и автомат с подсумком давили неподъемным грузом, и сладостная истома медленно растекалась по измученному телу. «Как хорошо и уютно, баб Оля, я хочу спать, не буди меня, родная, я устал».

Длинный, длинный коридор открылся перед ним, с бледным безжизненным светом, идущим со дна, и звал, звал к тишине и покою. Не спи, раздался голос бабушки Оли, Андрюша, слышишь, не спи!

Парень сделал взмах, широким гребком кинул слабеющее тело к солнечному свету. На поверхности мерно покачивался черный цилиндр районной линии электрической передачи, с белоснежным фарфоровым изолятором на гнупе металлическом анкере. Андрей ухватился за железяку, тяжело дыша и выплевывая из легких грязную воду. Опора просела, и крестовина вновь поднялась. Бесформенный комок алюминиевого провода спасительным камуфляжем навис над танкистом.

На берег выскочили наемники. Щуплый человек со звездно-полосатым шевроном на рукаве отдал команду белобрывому. Тот обернулся и принялся махать руками – Weiter-weiter! Los – быстрее-быстрее, ленивые баварские сосиски! Пестрая лента карательного отряда послушно рассыпалась по берегу, с яростью осматривая прибрежные заросли. На черный столб, уносящий танкиста за спасительный поворот, никто не обратил внимания. Поиск закончился ничем, команда вновь собралась у сгоревшей машины пехоты.

– Damn it, – черт их возьми, этих русских! – зло выругался человек со звездно-полосатым шевроном, – Куда мог деваться этот русский?

– Не огорчайтесь, ясновельможный пан. Нет его, значит зараз утоп.

И по дороге, разбитой войной, от взрытого берега Донца, пестрая, говорящая на десяти вавилонских языках толпа ушла к лесопосадке. А тот самый «черный паук» вновь завис над рекой. И пока оператор, сидящий на далекой базе Рамштайн, изучал побережье, механик боевого танка Т-72, принявший испускательную купель, уходил по реке на крестовине под терновым комком проводов.

Было холодно, ледяной озноб прошивал одежду и кожу, синели губы и побелели пальцы, один изгиб реки сменял другой. Казалось, что испытание никогда не кончится, как на зеве речной воронки бревно плавно развернулось и вопреки всем законам физики пошло поперек течения. Будто некто невидимый и сильный толкнул эту соломинку с человеческой жизнью к левому берегу, спасая молодого парня с грустной улыбкой, выросшего за три часа утреннего боя из мальчика в героя. Фарфоровый ролик царапнул отмель, и обессиленный боец упал лицом на большую и чистую отмель. Андрей отпустил железный крюк, теряя силы выбрался из воды и лег на прогретый солнцем песок.

– Все будет хорошо, баба Оля. Все будет хорошо, родная. Будем жить.

Самый юный

Посвящается памяти разведчика
Ильи Каркавина

Лето в Барнауле по-особенному суетливо. Обитатель старого города всегда помнит о быстротечности сибирского лета, а потому спешит заполучить водные и солнечные процедуры, отмерить пригоршню беззаботной жизни – природа, рыбалка, грибы-ягоды. На пять замков запираются квартиры, покидаются обжитые семейные гнезда, и городские кварталы в одночасье пустеют.

Солидные семьи разъезжаются по теплым краям, предпочитая прогретое солнцем море пыльным асфальтам города. Кто попроще – по Чуйскому тракту, на соленые озера Алтая, к обжитым дачам и фазендам, да просто к просторам сибирских рек и хвойному запаху соснового бора.

Лишь к сентябрю загорелый и обветренный горожанин окончательно возвращается в свои дома и квартиры, с наслаждением занимается домашней уборкой: сметает пыль с мебели, отмывает потускневшие за лето серванты, люстры и посуду.

Но главное событие сентября не сады и огороды, а первый звонок, тот самый медный колокольчик с бантиком в руках первоклашки, что оповещает ребятню сибирского края – пора за парту. Малиновый звон слышен повсюду, от обветренных окраин – Лебяжья и Научного городка, до обжитой сердцевины – Черёмушек и совсем юного проспекта Энергетиков.

К сентябрю в город съезжается не только загорелая детвора, успевшая набраться сил и витаминов счастья. В конце августа улицы заполняются беспечной юностью, в город возвращаются студенты.

Летняя жара давно спала, и всюду кипит беззаботная жизнь. Еще неделя, и золотая осень своим листопадом отыграет багряный фокстрот. А потому городские бульвары наполнены праздной публикой, всюду музыка, смех и акварель легкомысленных нарядов.

В Нагорном парке старого Барнаула, где у кромки серпантина приютилась белёная мелом церквушка, среди влюбленных пар, мамочек с колясками и велосипедистов со смешными «кастрюльками» на голове, скучающий прохожий наверняка бы обратил внимание на одинокого юношу.

Молодой человек был среднего роста, подтянут и крепок в сложении. Посетитель парка вполне мог решить, что парню едва исполнилось восемнадцать, может даже меньше. Светлое, почти подростковое его лицо, с милыми округлостями щек и тонкими уголками губ, даже в минуты глубокой задумчивости подсвечивалось кареглазой улыбкой. И если бы не короткая армейская стрижка, то в нем вполне угадывался белокурый рязанский поэт, знакомый и близкий каждому по школьной программе. Вот только звали парня – Илья.

Вечер был по-южному тих, а потому юноша был одет совсем по-простому: легкая футболка фисташкового цвета, джинсы цвета индиго и простенькие, слегка потёртые кроссовки. Более ничего особенного, что позволяет задержать взгляд избалованному горожанину.

В парк парень прибыл около пяти. От барнаульского Арбата прошагал к нагорной лестнице, по серпантину взобрался на верхнюю

террасу, где и затерялся среди праздной публики. С высоты Нагорья город он видел впервые, и увы, смотрел на него без положенных в таком случае восторгов и удивления. Скорее всего потому, что молодой человек был погружен в непростые житейские мысли. Парня не отвлекали ни любопытные взгляды прохожих, ни зазывы торговцев милыми сувенирами, ни даже кокетливые взгляды симпатичных девчонок. Не желая погружаться в суету парковой жизни, мыслитель в фисташковой футболке занял тихий уголок над вывернутыми наизнанку стальными буквами и погрузился в житейские размышления.

И не сказать, что городская жизнь парня складывалась совсем худо, но в жаркое лето двадцать первого года, когда только-только исполнилось восемнадцать, в короткой биографии сельского парня события пошли не по плану, а вкривь и вкось. Жизнь Ильи налетела на препятствие, затем второе и третье, будто кто-то большой и сильный перед новыми и главными событиями взрослой жизни, проверял юношу на прочность.

Еще в девятом классе Илья решил поступать в Сибирскую академию спасателей, что далеко под Красноярском. Семейный совет единогласно одобрил выбор: станет наш сын и брат – офицером МЧС. Как ни крути, к поступлению надо решительно готовиться. Долгими зимними вечерами отец неспешно наставлял:

– Правильно начинать с малого. Ты, Илья, штудируй учебник жизни с первой страницы,

не скачи по верхам. Есть в Барнауле школа с первоначальной лётной подготовкой, классных ребят готовят, почти офицеров, подумай, сын! – подвел итог отец,

– Ты, Виктор, скажешь тоже, он же высоты боится! Да и в спасатели парень нацелился, крепко на ногах стоять требуется! Какая ему лётная подготовка, только время терять, – подправляла разговор мать.

– Боится... А кто все заборы в школе излазил? – отшучивался отец.

Решали долго, родители спорили меж собой и убеждали сына, у каждого своя правда и опыт жизни. Здесь-то мама Таня впервые и рассказала про кадетский корпус, что при воинской части ракетчиков. Девятиклассник обстоятельно изучил обстановку, пару раз позвонил в Сибирский и принял важное решение – поступаю.

Испытания на новом месте Илья прошел без сучка и задоринки, отработал стометровку, вступительные по русскому и математике сдал по-честному, без шпаргалок. И вот она, новая жизнь, теперь ты, Илья – кадет.

Два года в кадетском корпусе пролетели как один день: мудрые наставники и верные друзья, ладная форма и даже настоящая казарма при воинской части. Целый этаж подарили ракетчики юным кадетам. И отношения в армейской среде совсем иные. Что ни говори, а настоящая боевая часть. Сердце замирает при встрече с подтянутым офицером, что заступает на боевое дежурство и на кончиках пальцев держит ключи от нашего неба!

– Здравия желаю, товарищ капитан!

– Здравия желаю, кадет. Как дела в боевой и политической подготовке, математику подтянул? Смотри, пригодится.

В необычной, наполовину воинской жизни он с радостью проживал каждый день – школа в одночасье переплелась с армейским бытом: особые правила, учителя и воспитатели, особое кадетское братство. А потому желание поступить в военное училище вызревало надежно, многократно сверялось не только с родителями, но теперь и с наставниками. Не хватало решительной точки опоры, от которой планета детства покатится во вселенную взрослой жизни.

Перед Новым годом, когда до выпуска остаётся всего-ничего и корпус разбегается на каникулы, в пустом классе – его воспитатель и он. За окном зимние сумерки. Наставник и ученик говорят о самом важном – жизненном выборе кадеты. Здесь-то статная женщина с погонами подполковника и обронила простое слово, что крепко запало в юную душу – Предназначение. А кто скажет, какое предназначение у кадеты Ильи? Конечно же, только он сам. Да и разговоры с отцом о его службе на Кавказе, о воинском быте и неписаных армейских правилах придавали уверенности, но решать он будет только сам. Так постепенно, в делах и разговорах, в узком семейном кругу и в кадетской жизни крепло решение стать военным. Okрепло настолько, что весной решительно прозвучало – буду поступать в военное училище, в Хабаровске.

Поначалу все складывалось как нельзя лучше, собраны документы, пройдены обязательные проверки, как вдруг на медицинской комиссии... осечка, военная карьера мгновенно закрылась.

– С таким-то зрением вам, молодой человек, не в армии служить, кхе-кхе, а к мирной профессии прибиваться следует. Поступайте-ка, юноша, куда попроще.

А чего попроще, если запасные варианты даже не обсуждались... Весь июнь в кругу семьи разговоры и жаркие споры, как вдруг вечером во двор вбегают радостная мама. В случайном разговоре, наполненном мелкими делами и заботами, от подруг услышала любопытную новость – в строительном колледже набирают группу для подразделений МЧС. А что, реальный шанс, чем не Красноярск, о котором он когда-то мечтал, только ступенькой пониже. Ну и пусть ниже, не беда, так даже надежнее – дорогу осилит идущий, главное идти своей дорогой! Зря, что ли, отец говорил тебе об учебнике жизни.

Мать радостно хлопчет у плиты, отец по-мужски обнимает сына, а брат Кирилл бегаёт по комнате и напевает суровый мотив «Броня крепка, и танки наши быстры! И наши люди мужеством полны...» Откуда только братишка такие песни знает? Говорит, что отец научил.

А на макушке лета, новое испытание. Когда экзамены сданы и от абитуриента уже ничего не зависит, оказалось, что на бюджет Илье дорога закрыта. У списков счастливых кадет обнаруживает, что его номер двадцать шестой. Первый среди неудачников: для поступления не

хватает одного-единственного балла. Недостаёт какой-то нелепой единички по математике, и путь в армейскую жизнь вновь закрыт. Конечно, у городских подготовка выше, не зря в кадетском корпусе классная его предупреждала:

– Илья, наседай на предметы, особенно на математику – царица наук!

Обидно до слез и... несправедливо. Неужели жизнь так и устроена?

И вновь в трудную минуту родители оказались рядом.

– Илюша, мы с папой обсудили, ты только не расстраивайся, пойдешь на коммерческий набор. С твоим проходным баллом, считай, что уже зачислен и с четвертого этажа будешь любоваться главным проспектом города.

– Мам, пап, дело не в проспекте и городской жизни. А как же вы? Вам еще брата поднимать! Я так не могу, не по-мужски.

– Нормально, сын, мы осилим! Главное, чтобы ты шёл своей дорогой.

– Не беспокойся, Илья, прорвемся, танки грязи не боятся.

И в то время, когда с поступлением на коммерческой основе все решено, когда закупаются тетради и ручки, как гром среди ясного неба звучит звонок из учебной части – приглашаем вас на беседу. Тонкие поджатые губы, строгий пиджак и выверенная речь, как свинцовые пули.

– Видите ли, товарищи родители, в этом году коммерческого набора не будет. Да, МЧС недовольно, но ради двух единиц никто штатное менять не станет.

Решено усилить ПГС, смотрите, как город строится, не желаете ли по коммерческому на промышленное и гражданское строительство?

Под сводом массивной колоннады Илья стоял понуро, едва сдерживая комок в горле. Что делать, он пока не знал. Отец обнял потухшего сына, а мама предложила:

– Может, придержим документы? Подождем до осени...

– Нет, сюда мы больше не вернемся. Мне вот-вот исполнится восемнадцать, мама – я взрослый мужчина. Не бойтесь, не сломаюсь. Я остаюсь, сниму квартиру, пойду работать в мебельную мастерскую! Подтяну математику и буду поступать по новой. И раз, и второй, и третий.

– Ладно, родные мои мужчины, пошли думать и решать, как быть дальше. А тебе, Кирилл, хватит крутиться под ногами, учись характеру у брата.

Весь вечер спорили, обсуждали и под большим нажимом родителей, точнее мамы Тани, наутро отвезли документы на землеустройство, там шанс равен ста процентам. Поступление в новый колледж оформили быстро. В конце августа отец привез Илью на учебу.

Так покатился сентябрь, за ним и октябрь – до полудня занятия, обед в столовой, спортзал, домашние задания, книги и затяжные прогулки по малознакомому городу. Хотя учеба проходила ровно и без изъянов, дружба со сверстниками не особо клеилась. Раньше Илья был заводилой всех дел в классе, мастером каверзных вопросов, что вызывали улыбку учителей и одноклассников.

В городе каждый сам по себе, и в друзья никто не напрашивался. Студент оценил обстановку и незаметно сместился на край общественной жизни, облюбовал место у окна, где, никому не мешая, отбывал рутину занятий. Если студента спрашивали – отвечал, остальное время равнодушно наблюдал через стекло за городской жизнью. Барнаул его не привлекал, после размеренного ритма родного села он не мог понять его суетливую торопливость. Но именно город, в своей исторической сердцевине, по воле случая оказался единственным спасением в трудные минуты сомнений и испытаний.

Возможно, жизнь Ильи пошла бы предсказуемо и ровно к предназначенной должности районного землеустроителя. Через год студент втянется в городскую жизнь, полюбит скучные предметы, обзаведется городскими привычками и друзьями. Но прядь за прядью события сплетались в крепкую нить поступков. Еще немного, чуть-чуть – и для Ильи подоспеет время важных решений. А пока в этой истории не хватало небольшого, но такого важного события.

Тот ноябрьский день не задался с самого утра. Было пасмурно, и над серыми многоэтажками пролетел первый снег, укрывший байковым одеялом рыжие газоны городских улиц. После дождя кисти рябин превратились в ледяные бусины, а ветер нагонял и нагонял промозглый холод, заставляя прохожих зябко кутаться в теплые пуховики.

Вчера сосед Ильи появился поздно и навеселе, в комнату он ввалился возбужденным, с модной

стрижкой и подкрашенными зеленью висками. Приятель был явно доволен собой, долго крутился перед зеркалом, напевая знакомую мелодию «Мы охотники за удачей – птицей цвета ультрамарин...».

– Ну, как тебе мой фирменный стайл?

– Какой маляр твою голову разукрасил?

– Тусовались у девчонок с экономического, – не понял сарказма сосед. – Маринка предложила «аватарку» подправить, без всяких салонов и бабершопа. А то, говорит, ходишь, как сельский лапоть. Прикольно, ни у кого на курсе нет, пипл обзавидуется.*

Илья пожал плечами, демонстративно отвернулся к стене и взял в руки потертую «Книгу о разведчиках» с карандашным рисунком на обложке, погрузился в мысли командира полковой разведки.

«Комплектовать разведку было трудно даже не только потому, что порой мало объявлялось желающих...Трудность была еще и в том, что из тех желающих, которые вышли из строя на два шага, далеко не все становятся потом разведчиками. Вот такой пример. Парнишка числится очень драчливым и смелым. Дерется со всеми на улице. Вроде бы смелый. Но на кладбище ночью один не пойдет. А вместе с тем есть парень – тихий, не дерется, но на кладбище ночью один пойдет. Этот парень годится в разведку. А тот – нет».

Илья положил книгу на подушку, задумался: «А я смог бы пойти на кладбище?»

---

* **Аватарка, бабершоп, пипл** — из разговорного языка улицы, от английских слов: avatar — виртуальные изображения пользователей в интернете; barbershop — мужской парикмахер; people — люди.

Утром, когда пора собираться на учебу и сосед вновь крутился у зеркала, Илья не выдержал:

– На занятия так и пойдешь?

– Да, по приколу.

– Может, ты кольцо в нос вставишь и платье нацепишь? Да появишься ты в кадетском корпусе в таком виде, наши ребята на смех поднимут и руки не подадут.

– Надо будет и вставлю, еще и татуху модную сделаю, ты меня жизни не учи. А про кадетов своих забудь. Плюнь и выкинь, время другое. Ты живешь в городе, здесь все иначе и жизнь другая, настоящая, не деревня. Как один умный человек сказал, сельпо с фонарями.

– Умный человек – это Артур, что ли?

– Хотя бы и он. Ты много хорошего видел у себя в Завьялово? Вот то-то и оно, а здесь все круче: тусовки, кафе, айфоны за тридцать тысяч, девчонки, с ног до головы прикинутые, деньги шальные. Нет, извини, я другой жизни не хочу и тебе не советую.

– У меня в Завьялово мать и отец работают. И учителя воспитывали нас иначе. Пойми, тебе исполнилось восемнадцать, ты просто обязан отвечать за свои поступки и свой мир строить своими руками, а не катиться, куда ветер подует.

– Да пошел ты, вот за себя и отвечай, а я буду жить как хочу, по кайфу, – приятель по комнате хлопнул дверью.

Илья остался один, сунул недочитанную книгу под подушку. Собирался долго, тягостно размышляя о своей жизни. «Нет, уйду, не буду учиться. Пойду работать – на базу в экспедиторы или грузчиком в

магазин, какая разница, где мозоли набивать. Зачем мне нелюбимая профессия, которая тяжелыми гирями повиснет на взрослой жизни?».

Первая пара прошла спокойно. Преподавателя он слушал невнимательно, смотрел, как за окном обледенелый клен уныло машет веткой. На второй, отметив рассеянный вид ученика, информатик демонстративно прошелся по ряду, вернулся к столу и сказал:

– Теперь, когда мы рассмотрели основной блок программы, прошу пояснить, каким образом мы можем отследить ландшафтные изменения по временам года? Бывший кадет, вопрос предназначается вам.

Илья ответил невпопад, стушевался. По рядам пролетели смешки, а вальяжный парень, что сидел за студентом с подкрашенными волосами, зло пошутил:

– Что, кадет, не проходят твои шуточки, шутилка отвалилась. Это тебе не метлой лужи гонять, здесь головой работать надо. Ландшафтный дизайн не для средних умов.

Студент с улучшенной «аватаркой» сделал вид, будто шутка его сильно рассмешила, развернулся в половину оборота и манерно оттопырил большой палец. Поддевку оценили парни и девицы с «камчатки», они возбужденно зашумели, с уважением поглядывая на своего заводилу. Рыхлый парень, лениво жуящий мятную резину, надул пузырь и добавил: – Так у них главная наука – строевая подготовка. Откуда знаниям современного программного обеспечения взяться?

– Одна извилина, и та от фуражки, – добавил нескладный верзила в модной ветровке с капюшоном. «Камчатка» вновь рассмеялась.

– Отстаньте от парня, – худенькая девчонка со среднего ряда решительно осадила компанию. Она хлопнула ладонью и зло посмотрела на толстячка. – Резину в рот засунь, теленок, не на тусовке.

Девушку поддержал скромно одетый паренёк с Че Геварой на лацкане.

– Если у тебя папа пекарней крутит, то считаешь, что вашей тусне все позволено. Не дождетесь, ни ты, ни твоя компания, ни этот придурок с крашеными волосами.

– Это кто придурок?

– Ты придурок и есть. Что, мы не видим, как тебя по-мелкому разводят, а ты и рад.

– А по соплям не хочешь получить?

– Получить не хочу, потому знаю, что вы – стая. А встретите отпор, сразу к папикам побежите. Ты мне лучше скажи, придет время, пойдешь пекарню Артурчика защищать, или тебе Родина в карман зефиряшки насыплет?

– Вот пусть Илья и защищает, он кадет. А нам и здесь хорошо.

В классе повисла гнетущая тишина, было видно, что худенькую и Че Гевару поддерживают многие, но молчат, боятся связываться с компанией.

– Что, умылись, мажоры? – опрометчиво решила поставить точку девчонка.

– Это кто здесь мажоры? Выражения выбирай! Мы не мажоры, мы золотой фонд, лучшие из лучших, которые в этой жизни способны добиваться

своего, а не такие обноски и неудачники. Еле-еле на коммерческий денег наскребли, по кредитам родителей загнали, а туда же морду суёте, указываете. А ты, пигалица, у меня еще узнаешь, почём обсыпные булочки с кунжутом.

– Подавись своим кунжутом, думал, что раз угостил и уже купил?

Илья, который молча слушал перепалку, вскинул голову:

– Только тронь Танюху, мало не покажется.

Молодой преподаватель нервно постучал костяшками и шутливо осадил противников:

– Игра окончена, первый уровень никем не пройден, бонусов не будет. – И уже серьезно добавил: – Сражайтесь в настольных играх, скажем – в «Майнкрафт», или бейтесь в сети на танчиках, если вам больше заняться нечем. А здесь не сметь.

После занятий Илья в общежитие не пошел, на крыльце он наглухо застегнул куртку и решительно пошагал прочь. Погода разыгралась не на шутку, стемнело, и в панельном доме, что серыми квадратами нависал над колледжем, по окнам разлился электрический свет.

На углу большого проспекта Илья остановился, его внимание привлекла необычная скульптура, что ярким пятном торчала из белоснежного сугроба. Среди завалов булыжника, что должны были изображать Алтайские горы, на плоском постаменте беззаботно отдыхал алтайский богатырь. Воин одной рукой опирался на мать-сыру землю, второй, подавал сигналы невидимому дозору, что, вероятно,

притаился на противоположной стороне шумной улицы. Теплый халат-чекмень с национальным орнаментом наглухо запахнут, кожаные рукавицы, боевой головной убор, изрядно напоминавший современную бандану.

«Форма одежды номер пять: зимняя, повседневная! – улыбнулся Илья случайной встрече. – А боец одет вполне по сезону, вот разве головной убор не уставной. Живи по уставу, завоеешь честь и славу», – вспомнилась присказка из кадетской жизни. Плохое настроение сдвинулось на второй план, вернулось привычное чувство юмора. Встреча с задумчивым воином оказалась важнее стычки в колледже, и студент бережно смел снег с головы батыра.

«Что, Сартакпай*, одиноко тебе в большом городе, вдали от родных мест? Я тоже не дома у мамы с папой. А ведь мы с тобой коллеги: ты богатырь и я... почти Илья Муромец, – парень подмигнул герою народных сказаний. – По крайней мере, тоже Илья. Скажи, Сартакпай, ты для чего живешь? Правильно, для своего народа, иначе бы тебя на пьедестал не поставили и народный эпос про тебя не сложили. А теперь ты спроси меня: Илья, а для чего ты живешь? И я тебе отвечу! За моей спиной родное Завьялово, товарищи и наставники. Ты мне веришь? Ага, скажешь, дал студент слабину, второй месяц дурака валяет. А вот здесь ты прав, Сартакпай, пора принимать решение! Хорошо поговорили, брат, спасибо за совет! Один за всех и все за одного!».

---

* **Сартакпай** – герой эпоса алтайского народа, что дал свободу рекам Горного Алтая.

Хорошее настроение окончательно вернулось к путнику, а боевой клич мушкетеров напомнил забытый случай из школьной жизни.

В девятом классе его друг Рогачёв «загремел на ковер». Олег был большой баламут, что-то натворил и был вызван строгим директором на беседу. Попасть в директорский кабинет для ученика – дело совсем не шуточное. Вот почему Илья уже полчаса крутился под дверью, не зная, как помочь товарищу. Наконец не выдержал и постучал.

– Виктор Давыдович, можно войти? Я скажу честно, Олег совсем не виноват. Его нельзя судить.

– Эка ты, братец, куда хватил – судить героя-народовольца... – Виктор Давыдович, сухопарый, крепко сложенный мужчина, на вид лет пятидесяти, хитро улыбался. – Ты хотя бы знаешь, о каких материях мы беседовали с твоим приятелем и что он натворил?

– Илья, меня по делу пропесочили! Я по нечаянности в библиотеке лампочку приговорил. Изображал монолог Чацкого – «Карету мне, карету!» – вот и не рассчитал, зацепил шваброй плафон.

Тут оба приятеля прыснули от смеха. Директор улыбнулся вместе с друзьями.

– Надеюсь, Рогачёв, вы меня поняли. Идите, а вас, Илья, я попрошу задержаться.

– А вас, Штирлиц, я попрошу остаться, – в тон директору простодушно добавил Илья.

– Вот именно, что-то из классики. То, что Рогачёв неправ, он уже понял и за свои детские шалости понесет наказание. Лично будет вкручивать осветительный прибор, а библиотекарь стол

держат, чтобы «Чацкий» не свалился. Здесь дело другое. Вы вступились за товарища, а такой поступок дорогого стоит. Запомните, друг мой, своих в бою не бросают, всегда добивайтесь своего.

– Я обязательно добьюсь! – уже вслух сказал Илья, помахал батыру и пошагал в сторону перекрестка. Идти в общежитие не было никакого желания. Да и гулять по промерзшему городу, как прежде изучать таблички на фасадах, в такую погоду тем более. Хотя именно такое занятие в его городской жизни оказалось более важным, чем он предполагал. Так по воле случая началось знакомство сельского юноши со старым городом, навсегда пропитав любовью к потаенным его уголкам и тайным смыслам.

В сентябре, в минуты тягостных сомнений и тревог, когда Илья совсем был готов покинуть чуждый ему город, он прибежал на автовокзал разузнать расписание автобусов. На всякий случай. Суетливая станция встретила парня спешащим людом и крикливыми зазывами частного извоза «Бийск, Белокуриха, недорого...»

Тут-то мятущийся юноша и обнаружил табличку. Темная пластина была прикручена на терракотовом боку соседнего здания. Парень в изумлении остановился: «Здесь в 1928 году выступал А. В. Луначарский». Надо же, тот самый министр просвещения, великий нарком с характерной бородкой, наставник наших учителей, стоял на этом самом месте.

– Товарищи, в жизни рабочего человека обязательно должна быть гармония! – вспомнил он голос с пластинки из школьного музея.

Живая история, о которой ученик слышал лишь на уроках, дела давно минувших дней вмиг ожили в гранитном камне. В тот день искушение сбежать домой он поборол и после нечаянной встречи с просветителем стал чаще бывать на улицах. Каждое обретение становилось частью его городской жизни, крепко перевязывая будущее сельского юноши с историей старого Барнаула и его страны. Во время прогулок молодой человек открывал новые события и имена, радовался каждой находке.

«Ты смотри, табличка Марии Скоромной – диктору краевого телевидения! Чего такого Скоромная для края сделала, чтобы табличку прикручивать? Да и здание телецентра самое обычное, серый жилой дом... Разве здесь могла поместиться телевизионная студия, зубоврачебному кабинету и тому было бы тесно? Надо срочно разузнать! Тэк-с и чего по этому поводу говорит всемогущий Интернет? А это что за массивный гранит? Лев Квин, писатель. И что же он написал, сейчас посмотрим? Листаем биографию, воевал, список изданных книг... Ага, «Ржавый капкан на зеленом поле»! Обязательно возьму в библиотеке. Интересно, а разведчикам памятные таблички в городе есть?

А это что за красивая махина на площади? Демидовский монумент с чугунной плитой. Читаем, так и есть – юбилей горного и рудного дела. Все по теме, край наш не только степной, но и горный».

Так, раз за разом и потекла в копилку знаний история старого города: эвакуационные госпитали, пехотные дивизии и бригады, уходящие на великую войну; народный артист Дементий Паротиков и

дважды Герой Советского Союза Плотников. Вот это человек, глыбища, дважды Герой! Ты прости меня, Павел Артемьевич – мне таким никогда не стать, одним словом, землеустроитель...

Но сегодня было холодно, вьюжно, непогода разгулялась окончательно, а потому Илья решил провести вторую половину дня с пользой для дела, пробежать по теплым магазинам. За железнодорожной выемкой добротных торговых точек пруд пруди. За ширпотребом двигай в гипермаркет, а если потребуется затовариться съестным, можно прокатиться к далекой оптовке на Космонавтов.

В силу погодных условий студент решил далеко не ходить и посетить ближайший сетевик, слегка загрузиться недорогими продуктами, а если останется время, то забежать и на рынок. Перед ноябрьскими праздниками родители предельно уплотнили холодильник студента сельскими разносолами. Так что сегодня покупки планировались исключительно для поднятия настроения. Захотелось чего-нибудь сладкого – ирисок или леденцов, чтобы окончательно зажевать утреннюю стычку в компьютерном классе. Одним словом, как в детском стихотворении – делать было нечего, дело было вечером.

Магазин, к которому направился Илья, был расположен в хитром закоулке, вроде как на главном проспекте, и в то же время за железнодорожной веткой, по которой давно не гоняют составы. Торговая точка занимала плоский ангар, главный цех бывшего завода. Еще с войны делали на промышленном

гиганте военную аппаратуру, бытовые приборы и даже знаменитые на всю страну приемники «Алтай». Такой экземпляр Илье повстречался лишь однажды.

В день знаний девятые классы повели на познавательную экскурсию в районный музей, в просторных залах которого ребята знакомились с историей родного края. Затаив дыхание, слушали рассказ о гражданской войне в Кулундинских степях, великом Солоновском бое, что звучит как поэма – «Солона ты, земля!», об отряде Ефима Мамонтова и его боевом товарище Фёдоре Колядо. А потом ученикам разрешили свободный обзор – можете смотреть и трогать руками. И пока его класс изучал кузнечные меха, Илья со своим другом исхитрился пробраться к полке со старинной техникой. Между пишущей машинкой и телевизором с округлой линзой он и обнаружил изящный черный ящик с красивой надписью – «Алтай».

Но сегодня военного гиганта уже нет, на этажах заводского управления давно обжились фирмёшки из разряда купи-продай, а цеха приспособили под торговые нужды. От памятника батыру до сетевого магазина добраться совсем не сложно – пятнадцать минут неспешного хода. Парень застегнул до подбородка легкую куртку и решительно пошагал по заснеженному проспекту.

Илья любил пешие прогулки. У себя дома он частенько отправлялся на великие Завьяловские озера – Горькое, Щелочное или Кривое, с крепким чаем, краюхой хлеба и конфетами в легком рюкзаке. Вот и сейчас молодой человек ходко миновал утрюмый «Гарнизонный» и совсем скоро

оказался перед Дворцом культуры с навязчивой рекламой на фасаде – «Корм для собак и кошек», «Выставка текстиля», «Органза от производителя». От приметной точки до сетевого магазина всего два шага, перескочи проспект, и ты на месте.

В просторном зале, более похожем на складское помещение, на посетителя обрушивается житейский ширпотреб – от садовых тележек до мелкой продуктовой фасовки. Илья миновал «вавилонны» пластмассовых изделий и решительно свернул в знакомый оазис кондитерки, где коробки с печеньем и конфетами навалены большими штабелями. От обилия сладостей, как говорится, голова пошла кругом: халва и мармелад, пряники и пирожные, грецкие орешки со сгущенкой и плотный щербет. А какой в коробочках «медовик»! Зря, что ли, бабушка называла Илью сладкоежкой. Сладкоежка и есть.

Сладкоежка Илья покрутил в руках яркую упаковку конфет с кокосовой стружкой, вздохнул, вернул на место – слишком дорого. Свой выбор он остановил на сладком наборе тянучек с карамелью. В гастрономических рядах ему делать нечего, никакого интереса к кабачкам, горошку и кукурузе. Разве могут эти ярко разрисованные банки сравниться с аппетитными сельскими заготовками его мамы? Теперь можно спокойно идти на кассу.

День давно перешагнул на вторую половину. Основной наплыв в торговом царстве будет вечером, а потому покупателей у касс пока немного. Продавщицы в темно-малиновой униформе ловко обслуживают редких посетителей, вручают бесплатную рекламу и на ходу шутят меж собой.

Дальняя касса по традиции пуста, пробраться через громоздкие завалы соков и газировки рядовой покупатель обычно не рискует, а потому любитель сладкого ловко обогнул поддон с пузатыми бутылками и выложил скромную покупку на металлическую панель.

Миловидная девочка с острыми скулками, по виду младше его года на два или больше, похожая на повзрослевшего ребенка, улыбнулась. Подтягивая лентой покупку, продавщица дежурно спросила:

– Товары по уценке не желаете: кофе, консервы, майонез?

– Спасибо, мне карамели достаточно.

Девочка ничего не ответила, лишь ловко покрутила пакет, провела декодером по штрих-коду, и кассовый аппарат, недовольно булькнув, выдал на табло сумму.

– С вас пятьдесят семь рубликов, молодой человек, – юная кассирша поправила не по размеру сидящую форму и вновь улыбнулась. Илья почему-то смутился, достал кошелек и подал затертую купюру с квадригой на Большом театре. Пока он забирал мелочевку, кассирша двинула по холодному металлу шоколадный батончик.

– А это вам от меня, подарок.

– За что?

– Ни за что, просто так, – видя, как смутился покупатель, девушка добавила: – Вы же любите сладкое, так получите презент от фирмы.

Илья сгреб покупку, бережно зажал в руке батончик и в смятении выскочил на улицу. Едва он отошел к железнодорожной ветке, что легла поперек тротуара, сзади послышался тонкий детский голос:

– Стойте, подождите. Да постойте же! – К нему бежала та самая продавщица в фирменной куртке. Пилотка сбилась набок, отчего она походила на взъерошенную синичку.

– Возьмите, вы забыли на прилавке, – девушка подала кошелек, в нем была не только наличность, что присылали ему родители, но и пластик, студенческий, да и другие документы.

– Спасибо. Как же так, вот растяпа, никогда такого не было. Я тебе... вам очень благодарен, иначе бы оказался на мели, и конец учебному процессу, – грустно пошутил Илья.

– Вы студент?

– Учусь в колледже, на восьмидесятой гвардейской, вы, наверное, знаете.

– Нет, не знаю. Я город знаю совсем плохо. Дом, вокзал, работа.

– Спасибо вам... – молодой человек впервые улыбнулся и вопросительно посмотрел на девчонку.

– Лиза. Просто Лиза. Отчество заслужить требуется. Так старший по смене говорит.

– Спасибо вам, Лиза, – парень неловко протянул ладонь, не зная, как поступать в данном случае. – Меня зовут Илья.

Девочка протянула тонкую, с синими прожилками кисть и серьезно добавила:

– Больше не теряйте, Илья. Потерять просто, найти сложно.

Всю дорогу он думал о случайной встрече. Да и бывают ли встречи случайными? Как-то Илья сидел дома за столом и, нахмутив брови, вырезал сложную фигуру сибирского медведя. Уже год он ходил в

кружок художественной резьбы, где под рукой опытного наставника вместе с другими ребятами и занимался изготовлением мудреных поделок. То ажурной шкатулкой, то красивым блюдом, а то совсем простенькими картинками на магнитиках для холодильников, на подарки.

А неделю назад учитель приостановил работу кружковцев и торжественно объявил:

– Прошу внимания, сегодня у нас важное событие. Я поручаю нашему талантливому мастеру резьбы задание районного масштаба. Как самый опытный, Илья должен изготовить не абы какой пустячок, а экспонат для краевой выставки детского творчества. Вот тебе материал, отсеки всё лишнее и вырежи фигуру по этому рисунку.

Ребята радостно загудели, а наставник открыл шкафчик и торжественно вытащил сухую кедровую заготовку. Илья был горд порученным делом, работа с резцами для него – не просто увлечение, рождение фигурки всегда маленькое чудо.

Всю неделю Илья работал в классе, а в четверг так увлекся, что решил продолжить работу дома, тем более что приближались выходные дни.

Когда Илья с коробкой резцов и большой кедровой заготовкой ввалился в прихожку, на шум с улицы вышла мама с блестящей поварешкой в руке.

– Мам, а где папка с Кирюхой?

– Пошли по магазинам, вечером баню готовить будут, за столом и соберемся.

– Я поработаю часок, задание важное, районного масштаба!

Мама Таня улыбнулась и отбыла к плите.

– Ну если важное, тогда стели клеенку!

Мастер покрыл столешницу, разложил резцы и занялся делом, а домашний шеф-повар нет-нет, да заглядывала в большую комнату.

Наконец мама не выдержала, вытерла руки о фартук и присела рядом.

– Хорошая получается фигура, настоящая, хоть сейчас на выставку. Только чего такой смурной, сын? Опять с друзьями дел натворили? Делись бедою, в себе не держи.

– Да сон приснился, мама, третий раз кряду, – Илья отложил резец в сторону.

– Что за сон? Не всем снам верь, многое пустое.

– Старик приходил, во всем белом, седой. Вот мы с ним и беседовали.

– О чем беседовали, родной? – мать с тревогой теребила полотенце, глаза ее предательски наполнялись слезой.

– Так, о разном, о нашем, мужском. Торопись жить, Илья, сказал старик...

– Понятно. Не случайный сон, Илюша, ох, не случайный. А ты знаешь, я ведь когда тебя под сердцем носила, в храм ходила чуть ли не каждый день. Не поверишь, запах ладана вдыхала, не могла без него и дня прожить, не хуже твоего кедра.

Так, может, и эта встреча не случайна? Остаток дня Илья провел на улицах города, мысли его освободились от тяжкого груза и были заполнены встречей с маленькой продавщицей. В первых сумерках он дошагал до площади Советов, свернул на вокзал и через виадук спустился к поселку имени героической летчицы Полины Осипенко.

В общежитие вернулся уже по темноте изрядно уставший, озябший и голодный. Товарищ был дома и усиленно отмывал голову в большом пластмассовом тазу. Компаньон что-то буркнул, ожидая от соседа неприятных вопросов, но тот вместо поддевки предложил:

– Я конфет купил, карамельных. Закончишь, ударим по чаю?

– Не против! У меня пряники своего часа дожидаются. Ты на меня не обижайся, Илья.

На следующий день Илья проснулся рано, из головы не шла встреча в сетевом магазине. Едва дождавшись обеда, парень наскоро перекусил, оделся потеплее и впрыгнул в яркий трамвай третий номер. Совсем скоро он вновь погрузился в продуктовый мир. За турникетом по привычке совершил короткий рейд, обогнул полки с кофе и чаем, с грустью посмотрел на штабель коробок печенья «курабье», но по-армейски одернул куртку и пошагал к кассам. К его удивлению, девочки Лизы на рабочем месте не оказалось, а сонный охранник, что дремал в проходе, лениво пояснил:

– Стажерка, что ли? Тю, парень, она сегодня выходная. Ее смена во вторник, у нас с работой строго, фирма веников не вяжет.

Понедельник тянулся мучительно долго, а вторник и того дольше. После занятий Илья в столовую не пошел, наспех переоделся и поспешил в магазин за железнодорожной выемкой. Охранник не обманул, Лиза, как и в первый раз, сидела на своей кассе, в дальнем углу торгового зала. Несмотря на будний день, посетителей было в достатке, тонкая

нитка очереди двигалась медленно, хотя девочка ловко отбивала товар. Сегодня покупатели как сговорились, корзины забиты до отказа, и очередь изрядно нервничает. Илья схватил с полки какую-то мелочь и пристроился за шумной тетей, что с гордостью катила перед собой тележку с кошачьим кормом.

Лиза заметила его сразу, с достоинством поправила прямую челку под безразмерной пилоткой и решительно принялась за продукты семейного дуэта – толстяка и эффектной дамы. Толстяк отвешивал глупые шутки, а дама нервно складывала покупки по пакетам.

Когда очередь дошла до Ильи, кассирша, не поднимая глаз, пробила товар и тихо подвела итог:

– С вас двадцать семь рублей.

Краснея, Илья рассчитался. Пора было уже уходить, однако он медлил и переминался с ноги на ногу. Наконец выдохнул, будто нырнул в холодную воду, и положил на прилавок деревянную поделку. На отшлифованном кругляше сияли улыбками герои популярного мультика – волк и заяц.

– Это тебе, Лиза, сам сделал.

– Мне, за что? – девочка подняла голову и удивленно смотрела на красивого парня.

– Ты же спасла меня от голодного обморока! – Илья широко улыбался, его карие глаза искрились смешинками.

– Молодой человек, вы рассчитались? Не задерживайте очередь, дождитесь перерыва, тогда и любезничайте, – добродушно поторопил мужчину с тележкой, забитой детскими продуктами питания.

– Не торопи их, Влад, успеешь. Вспомни себя.

– Да, да! Извините, я сейчас... – смутился покупатель, не зная, что делать дальше.

– Илья, приходи вечером, я заканчиваю смену в восемь. Придешь?

– Обязательно приду, буду ждать, даже если начальница задержит тебя до полуночи.

В половине девятого они встретились у главного входа. Автоматические створки распахнулись, и в пестрой курточке на «рыбьем меху» выпорхнула маленькая продавщица большого торгового зала.

Некоторое время они шагали молча, не зная, как положено разговаривать молодым людям в первые минуты знакомства. Молча поднялись на заснеженный мост, что горбом нависал над железной дорогой, уходящей по низу оврага. Прогрохотал тяжелый состав с кузбасским углем, холодная волна прокатилась и ударила по закрылкам главного проспекта. Осыпанные снежной крошкой, молодые люди рассмеялись и поспешили к перекрестку.

Первой разговор начала девочка.

– Ты проводи до вокзала, мне на электричку поспеть, на десять. Обычно я сажусь на Лестнице, но время еще есть, можно погулять.

– Ты не замерзнешь? На улице холодно, смотри, какой ветрюга разгулялся.

– Не бойся, я закаленная, – и совсем лукаво: – Я тебе батончик приготовила, ты ведь сладкоежка.

– Ты как моя бабушка, откуда вы, женщины, все знаете?

– Сердцем чувствуем.

– Сладкоежка, но не настолько. Сейчас мы твой батончик поделим на две части. Ты ведь голодная...

– Нет, не голодная, но с тобой маленький кусочек обязательно съем!

У перекрестка под тяжестью пластиковых пакетов одиноко переминалась пожилая женщина.

– Тётянька, приз в студию, вам с поля чудес кусочек шоколада, передавайте свои приветтики.

– Ох, ты, шутник. Барышню свою накорми, смотри какая худосочная, а я, старая партизанка-разведчица, голода не боюсь, – взяв все-таки шоколадку, сказала женщина.

– Вы служили в разведке? Сколько же вам лет? Давайте мы вам пакеты поможем донести, – ребята взяли поклажу.

– Лет много, донесите, коль не шутите. А ты что думаешь, если девчонкой была, то и Отчизне служить не способна? Мне в пятьдесят пятом немного лет было, чуток меньше твоей барышни, дитя Победы. А подружка твоя, надо полагать, помладше тебя будет.

– Меня Лизой звать, а его Илья. Мне пока шестнадцать.

– Вот именно пока, детка. Не торопись, всему свое время, не успеешь глазом моргнуть, как повзрослеешь. А меня звать Марией Александровной, для вас – просто баба Маша. Так вот, Илюша, было мне лет немного, а к разведчикам прибилась случайно, наши рейд проводили, меня подобрали под Сватово. Сильно вымотались...

– Какой рейд, баба Маша, война в пятьдесят пятом уже десять лет как закончилась...

– Нет, ребята, такие войны сразу не заканчиваются, десять лет по окраинам отлавливали остатки бандеровцев.

– «В глухую ночь, в холодный мрак посланцем вражьих банд переходил границу шпион и диверсант...» – с выражением продекламировала Лиза, сложив руки за спиной.

– Точно, девочка, именно так и было. Правда все это. Наши разведчики остатки по лесам да по схронами выкуривали. На седьмой день и вышли на основную группу, еле настигли. Банда как раз деревню с мирными жителями спалила, каратели, одним словом. Вот и родители мои, что по набору приехали край поднимать, не уцелели. Я спаслась чудом.

– Это где же такое странное селение, Сватово? – сжал кулаки Илья.

– На нашей червонной Украине, друг мой, в сотне километров от Ворошиловграда, по-вашему теперь – Луганска. За тот рейд получила свою первую и единственную награду от командира, часики вот эти наручные.

Женщина обнажила запястье, на ее руке тускло поблескивали часы с потертым циферблатом.

– Потом был госпиталь, потому как ранили меня неопытную, детдом, как у некоторых, – женщина ласково посмотрела на девочку.

– Илья, похоже, ты военный по призванию?

– Откуда вы знаете про призвание? Я пока не военный, но я кадет. Окончил в Сибирском, может, слышали?

– Про суворовское я слышала, а про кадетское – откуда мне, одинокому человеку? Про призвание же сердце женское подсказало. Ты согласна со мной, Лиза?

Девочка удивленно кивнула и потеряла замерзший нос.

– А что, ребята, может, ко мне, я вас чаем угощу. Смотри, Илюша, как твоя барышня носом шмыгает.

– Что вы такое говорите, Мария Александровна, и вовсе я не замерзла. Мы еще погуляем, у меня электричка скоро, – Лиза принялась тереть варежкой нос.

– Гуляйте, не застуди барышню. А вот и моя «четверка», поеду отогреться. Мой дом на Прудских, в аккурат за обувной, из окна Покровский видно.

Марья Александровна с достоинством поднялась в вагон трамвая, заняла место у окна и помахала рукой, будто погладила молодых по голове.

Илья вспомнил «Книгу о разведчиках» с закладкой на недочитанной странице и опять задумался: «Вот девчонка стала же разведчицей, хоть, наверно, на кладбище не ходила. А я?»

Ребята гуляли недолго, на Октябрьской Илья затащил Лизу в пустой зал дежурной аптеки, они прижались к горячей батарее и молча смотрели на аквариум Октябрьской площади. На теплом стекле таяли колючие снежинки, по тротуару проплывали озябшие прохожие, гремели трамваи, и троллейбус шестой номер рассержено простучал железными усами на развороте. Им было тепло и уютно, в этот вечер они узнали друг о друге совсем немного, но

самое главное, что положено знать. Илья с азартом рассказывал о селе на границе степи и леса, где он провел свое детство.

– Лиза, ты была у нас в Завьялово?

– Нет, не была. Я вообще нигде, кроме Новоалтайска, не была.

– Лиза, если бы ты знала, как у нас красиво и какие озера, лечебные. У меня мировые родители, папа и мама, лучшие в мире. Да и брат мой – Кирилл, зачарованная душа... А ты? Расскажи мне о себе!

Лиза долго не хотела о себе рассказывать, но затем сделала глубокий выдох, опустила глаза и тихо прошептала:

– Это хорошо, что любишь. У меня нет родителей.

– Как так нет? Они что, погибли, как у бабы Маши?

– Нет, не погибли, их просто нет. Детдомовская.

– Так можно разыскать, наверное, по метрикам. Может, попробовать.

– Нет, Илья, пробовать нечего. Я в детдом передана из дома малютки.

– Что, есть и такой?

– Да, есть, на горе находится, как раз для бездомных подкидышей. Я такая и есть. Что, осуждаешь, Илья, – глаза Лизы стали колючими.

– Глупая, как ты так могла подумать, – Илья улыбнулся, и взрослые морщинки на лице девочки вмиг расправились, а по щеке потекла одинокая слеза.

– Добрый ты, Илья. Пойдем, а то на электричку опоздаю.

Когда они собрались выходить, в аптечное окошко высунулась голова недовольной продавщицы.

– Молодые люди, вы что-нибудь брать будете или продолжите использовать помещение не по назначению?

– Если бы вы только знали, по какому назначению! – лукаво улыбнулся Илья. Он протянул в окно желтый кругляш. – Нам, пожалуйста, вот эту колбаску аскорбинки.

Лиза прыснула от смеха, а полноватая аптекарша, весьма недовольная, что ее так ловко перехитрили, сунула упаковку и удалилась в подсобку.

Он и она шагали от Октябрьской к вокзалу, на ходу жевали полезные витаминки, Илья рассказывал одну историю за другой. Лиза удивленно качала головой, по-детски прижимала к щекам ладони и смеялась. Перед турникетом ребята остановились, долго жали друг другу руки, наконец, Лиза не выдержала и спросила:

– Ты придешь?

– Конечно. Я буду провожать тебя каждый день.

– Каждый день не надо, ты замерзнешь, зима. Через три дня у меня выходные, как раз в субботу и воскресенье. Погуляем по городу?

– Конечно погуляем. В субботу у меня две пары, и к двенадцати я буду ждать тебя у Луначарского.

– Где-е? – нараспев спросила девочка.

– Видишь на фасаде гранитную доску? Под ней и буду ждать, прямо у выхода с пригородных электричек.

В субботу они встретились, как договорились, и перед тем, как пойти в город, Лиза долго и очень внимательно рассматривала гранитную плиту. Покачала головой.

– Удивительно, сколько здесь хожу, ее не видела.

А потом они гуляли по зимнему городу, мерзли, покупали булочки и в маленьких кафешках обжигались чаем в пластиковых стаканчиках. Суббота пролетела незаметно. Уже ближе к вечеру, когда ребята грелись в привокзальной чебуречной, она вновь его спросила:

– Ты придешь?

И они стали встречаться, гулять по заснеженному городу, всякий раз открывая его тайны и красоты. В воскресный день, озябшие, они случайно набрали на молчаливое здание за массивными кирпичными воротами, с очень длинной и загадочной надписью на табличке. В музее ребята долго бродили по пустынным залам, с удивлением познавая быт и культуру ушедших поколений. Лиза пристально всматривалась в убранство столов, громоздких купеческих сервантов и затертых резных этажерок. Илья с интересом изучал большой патефон с павлинами на широкой трубе. В угловой комнате, где сгрудилась домашняя утварь нового поколения, спутница грустно прошептала:

– Как мне хочется всего этого, если бы ты только знал, Илья.

Уже на выходе из зала с белым роялем ребята обнаружили одинокую картину.

– Лиза, ты не поверишь, это же Октябрьская площадь, вот дом с аптекой, здесь мы отогревались, вот шпиль и театр. Неужели когда-то здесь была деревенская окраина...

Однажды неведомая траектория, рожденная бескорыстной дружбой, привела ребят к фасаду

драматического театра, что белоснежным кубом возвышался на крутом спуске. Перед мозаикой, наполненной солнечным светом, они долго стояли, пытаясь разгадать тайные смыслы ушедшей эпохи: звезды, золотые купола, лучи и россыпи драгоценных камней. В центре полотна стояла красивая женщина с заплетенным караваем русой косы. Одна рука её была поднята вверх, другая показывала на мир, в котором живут они – Илья и Лиза.

– На мою маму похожа.

– Родина-мать, как на Мамаевом кургане, – тихонько подправила спутница.

– Ты была на Волге?

– Нет, не была. Я дальше Новоалтайска нигде не была. Нам учитель истории рассказывал. Я интернатская, но училась в обычной школе. Перед тобой Родина-Мать, Илья! Ради нее воин в бою себя не жалеет. А иначе жизнь теряет смысл.

Илья удивленно, будто впервые, посмотрел на подругу, а затем выпрямился и встал по стойке смирно перед суровым и нежным образом с мозаики.

Через неделю подоспела новая находка, на главном проспекте они наткнулись на мозаику на сером неприметном здании. На большом квадрате стены всего было в достатке и даже с избытком – кумачовые транспаранты, боец с забинтованной головой, конник с пикой, похожий на Георгия Победоносца, духовые оркестры, броневики и странная надпись на щите – «Пролетарий, на коня!». Илья повис на промерзшей решетке, долго разглядывая картину, пока озябшая Лиза пританцовывала от мороза. В тот день он ей много рассказывал о кадетском корпусе,

о жизни, а Лиза странно и грустно слушала его рассказы, изредка задавая простые вопросы.

– В нашем корпусе, Лиза, ребята со всего края. На первый взгляд, обычная школа, только закрытая и с кадетской формой. Но это не совсем так, дело совсем не в форме, ты же понимаешь. Во-первых, корпус находится далеко от города в центре военного городка ракетчиков. Зато казарма расположена в гарнизоне, и до неё топать надо.

– И что, вы каждый день ходили пешком? А где же автобус?

– Какой автобус, Лиза! Боец обязан совершать марш-переход, для того и бывают армейские сборы. Вот только мне, – Илья тяжело вздохнул, – на сборы так попасть и не удалось. Когда десятый класс заканчивали, долго готовились, а летние лагеря за Первомайкой отменили из-за пандемии.

– Я после девятого из интерната ушла сразу на работу.

– В супермаркет?

– Нет, сетевик мое второе место. До него я устроилась в кондитерский цех к частнику. На Восточном мы печенье и пряники делали. Да и комнату сняла рядом, у бабульки на Клубной горе. Удобно, но место беспокойное, да и ушла вскоре.

– Почему ушла, работа тяжелая?

– Работа нормальная, вкусная, – засмеялась Лиза. – Тебе, сладкоежке, понравилась бы. Только хозяин слишком на сладкое охочий.

– По-нят-но, – произнес Илья, с силой сжав кулаки. – Знаешь, Лиза, никому пока не говорил, – Илья долго молчал. – Я окончательно решил оставить учебу. Мое

предназначение совсем иное. Я хочу быть военным, а не землемерские штаны протирать.

Лиза ничего не ответила, склонила голову и, будто прячась от ветра, отвернулась от своего спутника, украдкой протерла глаза. Через неделю после случайного разговора у вишневой мозаики ребята привычно встретились. Илья впервые по-мужски приобнял девушку и неожиданно предложил:

– Давай разыщем бабу Машу, я хочу с ней поговорить. Ты помнишь, где она живет?

– Конечно, помню. Мария Александровна сказала, что за обувной фабрикой, из окна ее дома или квартиры виден Покровский собор. Туда ходит четвертый трамвай.

План Илья выработал сразу. Первым делом следует разузнать по поисковику, в каком месте расположена фабрика. Однако умная программа ничего не выдала, нет на карте такой фабрики. Собор есть, а фабрики нет. Тогда следопыты решили выбраться на место и расспросить старожилов. Жители наверняка подскажут, где у Покровского собора спрятались фабричные цеха. На третьем встреченном им повезло, старичок с потрепанной сумкой внимательно посмотрел на ребят.

– Так нет, друзья, больше фабрики, лишней оказалась. А здание живое, в аккурат расположилось на улице Анатолия, до революции – Павловская. Раньше остановка так и называлась – Обувная фабрика, затем в Радищева переименовали, теперь – Покровский Собор. Чем им великий писатель не по душе, леший его знает. Езжайте на трамвае. Хотя лучше пешим порядком, так надежнее.

– А вы давно здесь живете?

– Так сколько себя помню, столько и живу. Мы, прудские, завсегда с нагорными за девчонок в горпарке воевали.

Ребята еще некоторое время расспрашивали старичка с кирзовой сумкой, знает ли он Марию Александровну. Старичок теребил жиденюкую бороденку, по третьему разу переспрашивая, кого же они ищут. Под конец выдал – видел неоднократно, последний раз на Яблоневоый Спас. А вот в каком доме живет, извините, не знаю. Кажись, рядом с Покровским.

Свою случайную знакомую они искали долго, упорно бродя по улочкам старого города. Илья всячески пытался определить направление, где бы приметы сошлись воедино. В поиске дошли до переулка с названием – Прудской. Но ни пруда, ни дома Марии Александровны в тот день так и не нашли. В этом блуждании случайно наткнулись на покосившийся кирпичный особняк, на фасаде которого была прикручена литая табличка – «Здесь жил и работал Адриан Топоров».

Усталые и огорченные ребята вернулись на проспект и у трамвайного разворота долго-долго грелись в маленькой чебуречной. На перекрестке гремели машины, за окном вновь падал снег, и в помещении время от времени забегала странная публика, перехватить чего покрепче.

– Илья, а мне скоро квартиру дадут, – грея руки о пластиковый стакан радостно поделилась девочка.
– Представляешь, у меня будет собственный угол, я

его наполню вещами, как захочу. Ты придешь ко мне на новоселье?

– А когда у тебя новоселье?

– Обещают следующим летом, в августе.

– Нет, Лиза, я не смогу. Я приеду к тебе позже, зимой. Понимаешь, этой осенью я многое в жизни увидел иначе. Я люблю своих маму и отца, Кирилла люблю больше всего на свете, он же брат мой! И ты... мне дорога, Лиза, – он замолчал. – Хорошая девочка Лиза на улице Южной живет... – для разрядки обстановки весело продекламировал Илья. Спутница продолжала молчать, и тогда парень серьезно продолжил.

– Тебе я пока не говорил. Никому не говорил, даже отцу, а ведь он прошел горячие точки, был танкистом, стрелком-наводчиком. Вот и я должен служить Родине, неужели вы этого не понимаете?

– Я тебя понимаю... До свидания, мальчики, мальчики, постарайтесь вернуться назад, – тихим голосом пропела Лиза в пустом кафе.

– Э, слушай. Хорошо поешь, тебе в филармонию надо, – в разговор вклинился молодой продавец, слушавший разговор ребят. Он поднял вверх указательный палец и добавил: –Вернется твой джигит, никуда не денется.

После уютного восточного кафе с запахом подгоревшего масла они двинулись в сторону вокзала, уже было темно, и на проспекте зажглись фонари. В их свете крупными хлопьями падал снег. Ребята остановились у необычной скульптуры.

– Почему я ее раньше не видел? – Илья потрогал рукой холодный камень, а Лиза прочла вслух надпись на табличке:

– Народному просветителю Алтая.

– Это я, а это мой брат Кирюшка. – сказал Илья.
– А это наш учитель. Не ожидал я такой встречи. Сейчас понял: в жизни нет случайных событий, и любое однажды напомним о себе. В девятом классе наша классная предложила написать письма себе, будущим.

– И что ты написал?

– Написал не очень много, все больше шутил, не думал в тот день, что пишу взрослому человеку. Но одна строчка от сердца – «Никогда не забывайте учителей».

– А для меня ты самый главный учитель. Ты же меня не бросишь, Илья?

– Глупая, как я могу тебя бросить, пройдет год, я вернусь. Обязательно вернусь.

Лиза прижала ладони своего спутника к щекам, Илья поправил ей выбившуюся прядь волос.

– Ты сильная, как моя мама.

– Как ты думаешь, Илья, детство у всех одинаковое? Илья задумался.

– Нет, Лиза, у каждого поколения свое детство. У родителей свое, у нашего поколения другое. Мне в седьмом классе учительница дала книжку «Мальчик со шпагой». Лишь сейчас я понимаю, какие мы разные. Мне кажется... Наше время более суровое.

– В одной книжке прочитала, что ребенок в детстве обязан быть счастливым. Понимаешь, обязан. А у меня, выходит, детства и не было.

И не зная, как ответить, Илья начал рассказывать о своей первой учительнице, что живет на краю села. Одинокая женщина, без родных и близких!

– Почему учителя всегда одиноки? – неожиданно спросил он.

– Не знаю, наверное, потому что все отдают детям.

Илья замолчал, обдумывая ответ Лизы, затем продолжил:

– Все, что у неё осталось, это школа и наш класс. Мы часто собирались у нее дома, перед каждым праздником, даже когда были старшеклассниками. Слушали рассказы и наставления, помогали как могли. А сейчас я думаю, как мало мы помогли!

– Илья, ты помнишь, как девочка Маша помогала бойцам? Вчера на кассе один старик случайно оставил книжку, лежит, дожидается. Открываю на закладке, а там – «Но в час, когда последняя граната уже занесена в твоей руке. И в краткий миг припомнить разом надо все, что осталось вдальеке...»

– Лиза, что это? То, что ты прочла, это что? – Илья прикоснулся к скульптуре, будто хотел обнять и учителя с земным шаром на ладони, и детей, с любопытством смотрящих ввысь, – обнять весь мир.

– Ты же будешь о нас помнить?

– Да!

Двадцать девятого ноября, в понедельник, когда у Лизы по графику был очередной выходной, она неожиданно предложила пойти в православный храм, в тот самый, в Покровский.

– Это хорошо, – подтвердил Илья, – после посещения вернемся к поиску бабы Маши, я хочу расспросить

о схватке с нацистами под Сватово. Я прочитал, что банды были на западе. А схроны прятали у границы, по лесам. Сватово совсем другая сторона. Выходит, специально уничтожали села. А перед тем в храм...

– Ты крещёный?

– Да, как положено, родители крестили на сороковой день.

– А я нет, и даже креста нательного нет. Прошу тебя, пойдём...

Храм был открыт, в нем было холодно и пусто. У образов стояли редкие свечи, за стеклом молча сидела пожилая женщина в черном и от нечего делать поправляла крестики и иконки. В левом крыле старушка с домашней кастрюлькой неторопливо собирала огарки. Хлопнула дверь, в храм зашел седой старичок, совсем сторбленный. Он шаркающей походкой подошел к аналою, переложил из руки в руку затертую книгу, перекрестился и вышел, оставив после себя запах ладана. Пока Илья с интересом смотрел на старика, Лиза купила в церковной лавке две свечи и встала рядом. Они застенчиво переминались с ноги на ногу, не зная, что делать дальше. Наконец, девочка молча отошла к иконе, на которой Дева Мария укрывает зеленым покрывалом русскую землю, с ее избами и церквями. Илья остался один.

Приоткрылась створка южных ворот, из них вышел пожилой священник в драповом пальто поверх затертой церковной рясы, в левой руке он держал старомодный саквояж. Было видно, что служитель изрядно спешит. Уже на выходе он неожиданно остановился, будто споткнулся о

невидимую преграду. Расстегнул воротник, чтобы было легче дышать, и пристально посмотрел на одиноко стоящего юношу.

И пока Лиза стояла перед иконой, приложив тонкие ладони к лицу, пока она размышляла и неумело молилась, между приходским священником и парнем состоялся короткий разговор. В конце Илья о чем-то спросил, удивленно посмотрел в глаза батюшки и склонил голову. А священник в старенькой рясе перекрестил парня и как-то совсем по-домашнему, по-отцовски провел рукой по стриженной голове.

А Лиза стояла одна, она поставила свечу в большой бронзовый подсвечник и стыдливо посмотрела по сторонам, будто опасаясь, что старушка с огарками будет над ней смеяться. По-детски, совсем неловко сложила пальцы и перекрестилась.

– Спаси его, слышишь, прошу тебя. Мне ничего не надо. Только укрой его от всех испытаний.

В тот день они вновь долго искали дом бабы Маши. Сильно продрогли, но не нашли.

В начале декабря Илья привел Лизу в Нагорный парк, туда, где впервые встретился с Барнаулом. В полдень от городского Арбата они пошагали к лестнице, миновали спящую под льдом Барнаулку, гулкий подземный переход и по покрытой изморозью лестнице поднялись на верхнюю террасу. Наверху было пустынно, им открылась панорама заснеженного города.

Молодые люди грустно смотрели вдаль и молчали. Наконец, девушка повернулась к своему другу и, глядя ему в глаза, спросила:

– Илья, ты все-таки решил идти?

– Да, решил. Я должен идти, Лиза. Взял академический отпуск, хотя, думаю это лишнее. – Я должен, понимаешь, я должен.

– Понимаю.

В середине декабря Илья и Лиза расстались на зашарканном перроне автовокзала. Лиза трясущимися руками вытаскивала из пуховика свой старенький сотовый и прятала обратно. Илья шутил, что таких рептилий уже нет и быть не должно, и когда он вернется, подарит ей на новоселье набор блестящих кастрюль со стеклянными крышками и современный аппарат на сто функций. Она покорно кивала, грустно смотрела в глаза, а когда пришло время расставаться, нежно, по-матерински поцеловала Илью.

Илья звонил Лизе раз в месяц, он был весел, бодр, но её не покидало чувство, что она разговаривает уже не с молодым человеком, которому едва исполнилось восемнадцать, а взрослым, умудренным жизнью мужчиной. Голос, его детский голос весельчака и балагура, изменился, и теперь на том конце телефонной линии с ней обветренным голосом разговаривал взрослый человек.

Илья рассказывал всякие смешные истории, о том, как их кормят и поят, как со своим другом «корнетом» они бездельничают и валяются на солнышке, а любимый барбос крутится под ногами.

На свой день рождения он был особенно весел, привычно шутил и сообщил, что, кажется, заслужил от начальства серьезное поощрение. Но главное, он

привезет много шоколадок, которые раздаст вместе с Лизой у Нового рынка – ты же помнишь, как мы угощали бабу Машу. Брату Кириллу он привезет армейскую фляжку, а родителям купит большой телевизор. Зачем шоколад? – удивлялась Лиза. Ты просто приезжай. Только не вздумай уходить туда. Слышишь, я тебя умоляю.

Илья замолчал, тишина в трубке длилась долго.

– Лиза, помнишь я тебе рассказывал про старца, что приходил ко мне во сне и мы с ним разговаривали. Что написано, то и будет, моя девочка. Не беспокойся. Все будет как должно. Мама так говорила.

Осенью, когда вновь пролетела золотая пора, когда веселый и беспечный горожанин в очередной раз вернулся к своим квартирам, не понимая и не думая, что где-то там происходит нечто страшное и до конца еще страной не понятое, Илья не позвонил. Молчание становилось невыносимым. Лиза уже собиралась купить билет и отправиться в воинскую часть, в Алейск, где он служит... Как неожиданно раздался звонок.

– Алло, Илья, это ты? Родной, почему так долго, почему ты молчал?

– Лиза, это вы?

– Да.

– Это не Илья. Я Павел, его командир, старший группы.

– Что с ним, он жив? Где он, куда надо приехать?

– Илья ранен, тяжело, сейчас в госпитале. Лиза, вы меня слышите?

– Да. Где это случилось?

– Под Сватово. Илья был в моей группе, мы прикрывали наши установки, ушли надолго. Он был как заговоренный, ничто парня не брало, – командир откашлялся, чувствовалось, что ему тяжело дышать. – Мы были в поле двенадцать дней, измотались до предела и на пару часов залегли в брошенный блиндаж отдышаться. А здесь дрон нас и обнаружил, устроил охоту. По первому кругу отработал, ушел и вскоре вернулся. Война дронов, Лиза. Карыч его заметил и стал уводить по окопу в сторону...

– Карыч?

– Это его позывной. Когда дрон сбросил осколочный снаряд, Илья удар на себя принял, закрыл и нас, и боекомплект. Иначе бы никто не уцелел. А «ведьма», то есть дрон, ушла, думали – всё... Нет, третий раз заходит, Илью ищет, чтобы добить. Мы его накрыли чем могли – пленкой, листьями. Так и лежал, пока железяка по мне работала. В госпиталь с опозданием отправили. Ты прости меня, Лиза, не сберег я твоего парня. Отчаянный очень, часто повторял: «и в час кровавый вспомнить надо, что ты оставил вдалеке».

Лиза молча глотала слезы. Наконец, выдавила:

– Родители знают?

– Родители уже знают. Прости меня, Лиза. Мы, когда его в тыл отправляли, он все время какому-то Плотникову в горячке сказать пытался. Не знаешь, это его родственник?

– Павел Артемьевич...

– Точно.

– Это его наставник.

– Сладкое очень любил, в вещевом мешке всегда фантики были и батончик шоколадный, – и, помолчав, добавил: – Забыл сказать, Илья ведь к Герою представлен.

– Он что-нибудь еще сказал?

– Просил, чтобы ты обязательно нашла мать Марию, что живет у какого-то собора...

Сыны Алтая – герои России

Кеслер Андрей Игоревич
1999 года рождения.

В мае 2022 года в составе батальонно-тактической группы участвовал в выполнении боевой задачи по переправе через реку и захвату плацдарма вблизи населенного пункта. Указом Президента Российской Федерации от 11 августа 2022 года за мужество, отвагу и самоотверженность при выполнении боевой задачи ефрейтор Кеслер Андрей Игоревич награжден орденом Мужества.

В период с ноября по декабрь 2022 года в составе танкового батальона выполнял боевые задачи на стратегическом направлении. Указом Президента Российской Федерации (закрытым) от 20 февраля 2023 года за мужество, отвагу и самоотверженность, проявленные при исполнении воинского долга, ефрейтор Кеслер Андрей Игоревич награжден вторым орденом Мужества (посмертно).

Сыны Алтая – герои России

Каркавин Илья Викторович
2003 года рождения.

В составе группы глубинной разведки выполнял боевые задачи по обнаружению противника, обеспечению безопасности и продвижению наших воинских подразделений.

8 ноября 2022 года, на линии населенных пунктов Кременная-Сватово, принимал участие в боевых действиях в составе разведгруппы. Во время атаки противника и сброса им с квадрокоптера осколочной гранаты мгновенного действия закрыл собой боевого товарища.

Указом Президента Российской Федерации («закрытым») от 14 февраля 2023 года за мужество и героизм, проявленные при исполнении воинского долга, гвардии ефрейтору Каркавину Илье Викторовичу присвоено звание Героя Российской Федерации (посмертно).

Благодарность

Рабочая группа Гуманитарного проекта Министерства образования и науки Алтайского края и Алтайского института развития образования им. А. М. Топорова благодарит:

Родителей – Андрея Кеслера и Ильи Каркавина, всех родных и близких им людей, которые вложили свой труд и душу в воспитание славных сынов Алтая.

Учителей Табунской и Завьяловской средних школ, «Алтайского кадетского корпуса» ЗАТО Сибирский и всех наставников за педагогический труд, за «скромное по наружности и величайшее дело отечественной истории» – достойное воспитание юных граждан России.

Администрации Табунского и Завьяловского районов, краеведческие музеи сел Табуны и Завьялово, районные советы «Союза женщин России», общественную организацию «Танковое братство Алтая» за поддержку и содействие при подготовке книги.

Автор благодарит воинов-консультантов всех поколений – танкистов и разведчиков, оказавших неоценимую помощь при реконструкции событий и художественном осмыслении подвига героев.

Оглавление

Вступительное слово министра образования и науки Алтайского края	3
Парень с улицы Мира. Посвящается памяти танкиста Андрея Кеслера	5
Самый юный. Посвящается памяти разведчика Ильи Каркавина.....	53
Сыны Алтая – герои России.....	122
Благодарность.....	124

Дорогой друг! Ты прочел книгу о героях Алтая. Напиши отзыв о ней ее создателям. Поделись своими впечатлениями и мыслями о подвиге сынов Алтая с рабочей группой по электронному адресу: **info@iro22.ru**

Если ты решил написать свою историю о войнах, что когда-то защищали или сегодня защищают рубежи нашей Родины, обязательно сделай это. История твоей страны в твоих руках. Свою работу присылай автору книги «Парни как все» на электронный адрес: **soujakine@mail.ru**

Ужакин Сергей Фёдорович

Парни как все

Два рассказа о героях

Редакторы: М. В. Дюбенкова, Ю. Г. Егоров, Н. С. Ремнева

Корректор — Ю. Г. Егоров

Художник-оформитель — Ю. А. Кобзева

Подписано в печать 13.12.2023

Тираж 400 экз. Заказ № 819

Отпечатано в типографии АО «Алтайский дом печати»

656043, г. Барнаул, ул. Б. Олонская, 28.

тел.: 8 (3852) 63-79-71,

e-mail: zakaz@adp.alt.ru